

18+

Владимир Тренин

КОРОЛЬ ШМЕЛЕЙ

Рассказы

Владимир Тренин

Король шмелей. Рассказы

«Издательские решения»

Тренин В.

Король шмелей. Рассказы / В. Тренин — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Рассказы о жизни современника полной противоречий и невзгод, ищущего свет в кажущемся мороке бытия. Истории поиска главным героем смысла жизни с детства и до старости, попытка понять и реализовать себя в калейдоскопе обычных, а иногда абсурдных и фантастических ситуаций, предощущение высокой цели, скрытой в повседневности.

© Тренин В.

© Издательские решения

Содержание

РЮМКА ДОСТОЕВСКОГО	6
ПУГОВИЦА	16
ВРЕМЕННЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ НЕЧЕРНОЗЁМНОЙ ЗОНЫ	17
КОРОЛЬ ШМЕЛЕЙ	28
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Король шмелей Рассказы

Владимир Тренин

© Владимир Тренин, 2026

ISBN 978-5-0070-4706-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

РЮМКА ДОСТОЕВСКОГО

Черничный морс — это очень вкусно. Сладкий глоток из детства, из переданной тайком литровой банки, через несколько рук, от мамы, а ты маленький и несчастный со свежим разрезом в животе. Самый сладкий глоток в иссушенное горло.

Он присел на край кухонного дивана и отхлебнул из большой кружки черничного морса. Насыщенная тёмно-фиолетовая волна разлилась по телу. Иван не торопясь пил, рассматривая дверцу холодильника, залепленную многочисленными магнитиками с названиями городков и посёлков.

«У людей Барселона и Париж, Сочи, на худой конец, а у меня Сольцы, Бежецк, Дно, ну и Великие Луки с Ельцом», — усмехнулся Иван про себя, рассматривая географию рабочих командировок.

Дедовские ходики отстучали три часа ночи. Спать не хотелось. Он потянулся, скользнул ногами по тёплому полу вдоль стены и почувствовал резкий укол в пятку.

— Что за хрень?

На коже выступила алая капля. Иван наклонился, поковырял непослушными грубыми пальцами в ранке и с трудом вытащил осколок. Поднёс к глазам крошечный вытянутый окровавленный кусочек стекла, усмехнулся:

— Вот тебе и наказание...

Скакнул на одной ноге к шкафчику, взял салфетку, плюнул на неё и приложил к порезу. Остановив кровь, завернул осколок в бумажку и выкинул в пакет с мусором.

Закрыв глаза и долго водил ладонями по щекам и предплечьям, словно снимал невидимую паутину.

1

Они пили в Старой Руссе, через дорогу от дома Достоевского, глотали ячменный дистиллят, топтались на льду Порусьи, радостные, что тяжёлая работа закончена, и завтра они поедут домой. Иван смеялся с товарищами, вспомнил имя реки, шутил и пропустил момент, когда его накрыло.

Он не слышал мужиков, в ушах звенела тишина, в его глазах мелькали раскрытые в немом гоготе рты. Иван вдруг подумал, как ему хорошо и спокойно в этом месте, где всё, казалось, такое русское: старые липы с чёрной изломанной сетью веток, основательные купеческие дома и бледное февральское небо, только виски, закупленное по скидке в ближайшем сетевом магазине, было шотландским.

— Скотское, — утверждал Павел, он разбирался в штрихкодах, хотя были сомнения, вдруг палёное, но раз Пашка сказал, значит, настоящее, как он там заявил, причмокивая, всасывая халявное бухло:

— Чувствую вольный дух горной Шотландии!

Размазанное солнце просвечивало через серую облачную вуаль, снисходительно наблюдало, как молча и торжественно трое мужчин, разменявших опасные 37 лет, сделали по завершающему большому глотку золотистой жидкости и кинули бутылку «скотского принца» в пакет. Анорексичная вытянутая склянка — типа «сабонис», так в полевых кругах называли тару по ноль семь, с остатком на донышке, тоненько звякнула, ударившись о полную свою, непечатую сестру. Они переглянулись, кивнули, пошли. Выбрались через сугробы по крутому берегу и открыли дверь в деревянный двухэтажный зелёный дом, где жил когда-то Фёдор Михайлович Достоевский.

Испуганные бабушки-смотрительницы, вдохнув свежего ячменного выхлопа, смешанного со вчерашним водочным перегаром, встрепенулись, строго посмотрев на благостные

небритые физиономии, но пропустили посетителей. Гардеробщица приняла полевые измазанные в глине куртки. Иван попросил повесить пакет на крючок. Бутылки предательски бзыкнули, и ему стало неловко, но вежливая старушка сделала вид, что ничего не услышала. Ваня, благодарно улыбаясь ей, поспешил за товарищами, шурша брючинами утеплённого полукомбинезона.

Всё было скромно в этом доме: тусклые тесные комнатки и высохшие, скрипучие половицы с многолетними наслоениями красновато-вишнёвой мастики, небогатая посуда, дребезжащая в старинных буфетах от тяжёлой поступи посетителей. На рабочем месте Фёдора Михайловича разложены перо, пожелтевшие копии черновиков с летящим почерком и наброском, изображающим князя Мышкина, напоминающего спитого бродягу с Курского вокзала. В столовой — большой стол, разложены тарелки и почему-то только один красивый лафитник, наверно для хозяина дома. Иван подошёл ближе, чтобы рассмотреть утварь. Ничего особенного, желтоватый фарфор и запylённая рюмка, из которой не пили, возможно, уже полторы сотни лет.

Паша недоумённо рассматривал жутковатую тёмную картину с измученным ликом мёртвого Христа, фрагмент знаменитого полотна Ганса Гольбейна младшего, а любознательный Федя спрашивал смотрительницу:

— А это действительно вещи Достоевского? И что он написал в этих комнатах, и сколько заработал, а почему такой маленький дом у знаменитого писателя?

Старушка, загадочно улыбаясь, что-то отвечала Федьке, а в это время Иван схватил лафитник и сунул в карман. Зачем он это сделал, непонятно. Ваня не был замечен в клептомании, никогда в жизни не брал чужого, даже, наоборот, всегда делился и наверно был готов отдать последнее, если товарищи попросят. Замерев в предвкушении сирены, криков и визгов, Ваня ждал, когда провалится в преисподнюю или кто-нибудь сильно ударит наглеца по шее, слушал яростный стук крови в висках, затылок его горел...

Ничего не произошло. Вообще. За спиной шелестел тихий, вкрадчивый голос служительницы дома-музея, гудели басовитые вопросительные реплики Фёдора и скрипели доски под ногами Павла, уходящего в соседние помещения.

Антикварное стекло, казалось, нагрелось и обрело невыносимую тяжесть, жгло бедро через слой синтепона, будто в карман залили раскалённого свинца. Иван смахнул пот со лба, сглотнул вязкую слюну и двинулся за Пашкой, с трудом передвигая ноги. Они за четверть часа посмотрели экспозицию, сфотографировались у большой копии портрета кисти Перова, где Фёдор Михайлович, сцепив длинные пальцы в замок, смотрел куда-то в угол. Глянув на опухшие физиономии товарищей, вставших с двух сторон от рамы, Иван, забывший на секунду о своём преступлении, не выдержал и рассмеялся, уж очень эти грубые приземлённые лица кирпичного оттенка контрастировали с высоколобым, бледным и задумчивым ликом гения.

— Чё ржёшь, снимай, я устал шериться, — буркнул сквозь зубы замерший в улыбке и выпятивший грудь Пашка, кто-то ему сказал, шутя, что он красивый мужчина, и Паша, искренне поверив, теперь вышагивал по жизни, как стриженный пудель среди дворян.

Купив магнитиков и сувениров, продавшихся у гардероба, Иван вручил каждой из старушек по тысяче рублей, поблагодарив за хороший приём. Эта жалкая попытка замирения с совестью не помогла ему, карман горел и тянул чудовищным грузом, но хранительницы музея растрогались, не ожидая столь щедрых чаевых и тепло попрощались со странными внезапными посетителями.

Мужики немного постояли рядом с музеем у старинного фонаря, покурили, уже молча, без шуток и смеха, выпили по паре глотков, и двинулись в сторону гостиницы. Надо было собирать вещи.

В номере Иван тщательно вымыл рюмку, поднял вверх за ножку и долго крутил её, любовался, как переливаются стеклянные грани в тёплом свете люстры. Потом достал из пакета

бутылку с остатками виски. Поставил лафитник на стол и аккуратно заполнил до половины. Священный трепет охватил его, предплечья покрылись гусиной кожей.

— Думал ли я, уважаемый Фёдор Михалыч, что буду с вами из одной рюмки пить? Вы уж простите меня, взял грех на душу, украл ваш фужерчик, бес попутал, — прошептал Иван и выпил содержимое одним глотком. Занюхал сухой хлебной коркой, оставшейся со вчерашних посиделок, рухнул на кровать и задумался: «Зачем ты сделал *это*? Сегодня Ванечка превзошёл сам себя. И почему, прежде чем попасть в дурацкую, иногда совершенно дикую историю, ты, взрослый семейный человек, думаешь не головным мозгом, а другими частями тела, не предназначенными для сложного и важного процесса?»

К сожалению, эта дилемма всегда его мучила уже после случившегося. Восстанавливая в голове хронику событий, преодолевая тяжёлое, разрывающее душу чувство вины, находя в памяти отправную точку, то самое метафизическое мгновение, отмечающее дихотомию бытия, когда ещё можно было остановиться и пойти другим, светлым путём, принять правильное решение. Ну как «правильное»? Хотя бы такое, чтобы потом не терзала совесть.

Иван взял себя в руки и собрал рюкзак. Вечером на всякий случай посмотрел городские новости, с волнением ожидая сообщения о похищении ценного артефакта из местного музея, но, к счастью, всё было тихо, и он с облегчением выдохнул. Выпил ещё немного виски из рюмки Достоевского и лёг спать.

Ночью ему снились старушки с добрыми лицами. Они шарили своими сухими лапками по его лицу и телу, что-то шептали неразборчиво. Странно, почему-то они были голые и плоские, с неприятно колыхающимися высохшими блинами грудей, словно вырезанные из мятого пергамента. Иван не хотел смотреть на тела и жмурился, но почему-то у него не получалось, веки стали прозрачными. Сон был не страшный, но какой-то гадкий. Проснувшись, Иван не испытал облегчения. У него сохранилось скверное физическое ощущение на коже, будто его вываливали в невидимой паутине, которую он тщательно пытался смыть с утра, долго поливая лицо и плечи из треснутой душевой лейки.

2

В дороге настроение улучшилось, и он забыл о странном сне. Павел с машиной остался на техобслуживании в Питере, а Фёдор с Иваном решили поехать на поезде, быстрее хотелось добраться домой, в маленький город на берегу холодного залива. Коротали время в кафе в центре вокзала. Столики были установлены на ромбовидном подиуме, обтираемом разношёрстным людом.

Вокзальная жизнь кипела. Беспокойные пассажиры, задравши голову, изучали расписание поездов, таксисты с лицами уркаганов, вылавливали выгодных клиентов, пузатые, опохмелённые и поэтому жизнерадостные охранники в чёрных ушанках бродили парочками, обсуждая воскресную рыбалку, вездесущие цыгане искали подходящих для развода «лохов», и подозрительные сухощавые восточные юноши пытались впарить ворованные мобилы сонным, немного испуганным «окающим» провинциалам с северных поездов.

Друзья пили пиво и разговаривали о всякой ерунде.

— Ты читал Достоевского? — вдруг серьёзно спросил Иван.

— Станный вопрос, — удивился Федя внезапному повороту в беседе. — В рамках учебной программы, как и все: «Преступление и наказание», но шло со скрипом, тяжеловат Фёдор Михайлович для меня.

— Ты же школьник был, попробуй сейчас, для взрослого человека там бездна смыслов! ... Интересно, что многие после школы не открывают классиков, людей как будто прививают от хорошей литературы. Я недавно решил, «Преступление и наказание» перечитал, «Братья Карамазовы» вообще на ура пошли, я уж не говорю про «Идиота». Возьмись на досуге!

— Не, Ваня, я уже не осилю, нет времени, да и лень, лучше в сериал тупо повтыкаю на диване. Знаешь, для меня самое популярное чтиво сейчас — это брошюры скидок в районном супермаркете, — хлебнул пива Фёдор и покосился на симпатичную пассажирку, проходящую мимо. Он долго и жадно рассматривал лицо и фигуру, кажется, изрядно испугав женщину.

— Ты это, Федька, имей совесть, я тебе говорил, регламент — полторы секунды, смотри и сразу отводи глаза. Ох уж этот твой раздевающий зырк на полминуты и жаркий танец бровями, — засмеялся Иван. — Не-е-е..., с тобой неудобно рядом находиться, если бы можно было сажать за изнасилование взглядом, ты бы уже загремел пожизненно по совокупности преступлений.

Товарищи за долгую командировку соскучились по красивым женским лицам, коих мелькало много в толпе вокзальных посетителей. Они забыли о Достоевском и увлечённо стали рассматривать и обсуждать проходящих фемин.

Оставив коллегу с рюкзаками, Иван сбегал в привокзальную букинистическую лавочку, в которой был частым гостем. Он плохо спал в поезде, обычно покупал томик небольшого объёма, чтобы успеть прочитать за ночь. Книгу, выходя на своей остановке, оставлял на столике в купе.

В магазине целенаправленно направился к полке русской классики и чётким движением зацепил «Игрока», который обошёлся дешевле бутылки пива.

В купе они загрузили рюкзаки в рундуки под нижними полками. Разложили постель, молча смотрели в окно. Напротив двинулись цистерны, и создалась полная иллюзия движения их состава. В дверях мелькнула проводница, выдворяя провожающих.

Вагон тряхнуло, и где-то в душе Иван осознал, что сейчас проживает очень важный момент. Он заранее понял, что, как всегда, примет неверное решение и чувствовал свою обречённость.

По-хорошему, ему надо было просто раздеться, стащить ботинки, лечь, открыть Достоевского, ...и наступит утро, и будет как надо. Он достал книгу из широкого кармана висящей рядом с дверью куртки и положил на столик.

Федя, улыбаясь, молча наблюдал за товарищем.

— Чего хихикаешь? Я читать, а ты давай укладывайся, — сказал Иван, открывая серый том с пожелтевшими страницами.

«Глава I. Наконец я возвратился из моей двухнедельной отлучки...» — Иван пробежал глазами начало и задумался.

Возвращаясь домой бесчисленное количество раз, он узнал опять этот зуд, внутренний раздрай и незаконченность действия, и желание чего-то большего. Наверное, когда нет у мужчины сложного изматывающего похода, нет новых открытий и эмоций, остается только растрачивать себя на пустые вещи.

Иван перехватил хитрый взгляд Фёдора.

— Что?

— Ничего. ...Помнишь, как ты говорил, когда гоняли в Воркуту: «Вагон-ресторан манит меня, как зелёные острова в океанской пустыне». Сейчас как? Манит?

— Хрен с тобой, золотая рыбка, погнали, — Иван захлопнул книжку и сунул её в откидную сетку под верхней полкой. — Предначертанное да случится!

— Это к чему, не понял? — удивлённо спросил Фёдор.

— Ничего, двигай булками.

Друзья на всякий случай сообщили проводнице, что вернутся поздно и направились в сторону девятого вагона, где располагался поездной шалман.

Хлопнула дверь в питейное царство, послышалась хоровая музыка, друзья осветились мягким светом, и тотчас к ним порхнула большой светлой бабочкой миловидная щекастая официантка. Судя по её манящей улыбке, тесной блузке с глубоко расстёгнутым воротом, она прошла подготовку по СДРКА (Стандартным Действиям Раскрутки Командировочных). Когда она наклонялась, посетители мужского пола, а их было подавляющее большинство, теряли дар речи от душераздирающего зрелища: её главное пухлое богатство выкатывалось к обрыву и опасно колебалось у края упругой молочной волной, в любой момент готовое сорваться вниз. Каждый клиент считал, что знак именно ему, мысленно щупал эти прелести, сглатывал слюну и заказывал ещё палёной водки по цене Курвуазье.

— Какие замечательные гости пожаловали, молодые и красивые, я вам местечко хорошее берегла, словно чувствовала, присаживайтесь, — со сладостью в голосе встретила девица новых посетителей.

Хищно двинулись брови Фёдора.

— Не такие мы уж и молодые, — улыбнулся он, расправил плечи, плюхнулся на бордовый диванчик и незаметно снял под столом обручальное кольцо.

Иван видел это трюк уже не раз, когда его коллега намеревался идти в активное наступление.

— Такие красавцы, я бы вот за любого из вас хоть сейчас замуж вышла, — сказала официантка, легонько коснувшись Ивана, разложила книжки с блюдами.

— Прямо сразу замуж?

— Конечно, мои хорошие, я телефончик позже оставлю, — она наклонилась к ним в контрольный раз и задержалась в этой позе, словно хотела закрепить оглушающий эффект от своего декольте.

Федя встал в стойку, отработанным басом отчеканил, не заглядывая в меню:

— Салат, солянку, мясо по-французски и бутылку водки ...каждому! Счёт общий.

— Ого, какие молодцы, так быстро! Уважаю решительных мужчин, — официантка быстро чиркнула в блокнотике и переспросила: — Если каждому, то, получается, две бутылки?

— Нет, бутылку одну, — уточнил Иван и строго посмотрел на проглотившего наживку, коллегу.

— И два пива, пока ждём, — не унимался Федор.

Девушка кивнула и удалилась, покачивая бёдрами по очень большой амплитуде.

— Видал, на меня глаз положила, — прошептал Федя.

— Не будь дураком, у неё работа такая — вид делать глубокой и искренней заинтересованности, чтобы ты, Феденька, раскошелится.

— Ты так говоришь, потому что я ей больше понравился.

Иван махнул рукой:

— Можешь себе забрать невесту эту.

Они, перешучиваясь, посчитали совместную наличность. Казалось, денег хватало с запасом.

Тем временем официантка вернулась с двумя бокалами пенного:

— Пять минут, мальчики, и всё будет.

— Не переживайте девочка, мы никуда не торопимся, — улыбнулся Фёдор и выверенным движением сунул зубочистку в край рта. — Кстати, как вас зовут?

— Алёна.

— Какое сладкое имя, прямо родное, наше! А меня Иннокентием величать, будем знакомы, — Фёдор привстал и отбросил чёлку со лба.

Официантка хихикнула, закатив глаза, щёчки её покраснели, будто от удовольствия внезапной радости знакомства, но вдруг она хищно прищурилась, заметив новых посетителей и рванула к свеженьким, не окученным кошелькам.

— Ну что, «Иннокентий», — выпьем за «настоящую» любовь! — поднял пиво Иван.

— Ты погоди, ещё не вечер, — не терял надежды Фёдор.

— Федька, ой, прости, Кеша, сегодня я так буду тебя называть, — сказал Иван. — У тебя же жена, прекрасная и умная, зачем тебе эти нелепые ужимки и приторно-масляные увивания? Завтра утром уже будешь дома, под тёплым родным бочком.

— Все ходоки говорят, что это — как рыбалка, важен процесс. ...Но, если честно, ... знаешь, я чувствую, — старею. Хочется понять, могу ли я ещё нравиться не пенсионеркам с ресепшена районных гостиниц, а именно симпатичным женщинам моложе себя, примерно таким, как Алёна, — Фёдор вздохнул и выпил одним долгим глотком сразу полбокала. Взял салфетку и вытер пену с верхней губы. Посмотрел в окно. — Сложно, Ваня. Желание пропало любить. Трахаемся с жёнкой без души. ... И понимаю, ничего уже не изменишь, будем доживать.

— Давай, не хандри, мы столько пережили и переживём, — Иван отхлебнул немного. Пиво было кислое. — Знаешь, Федь, ты, наверно, прав, физическая любовь, пожалуй, одна из несущих стен в здании мужского бытия. Всё наше сознательное существование с десяти лет можно представить как историю вожделения и удовлетворения: вначале тебе не дают, потом дают, но ты не умеешь и позоришься в постели, потом ты умеешь и трахаешься как бог, тебе скучно и хочется нового. Кстати, мы примерно сейчас находимся на данном этапе, но, как правило, нам некогда искать на стороне приключений, мы работаем, создаем. ... Хотя почему, ты же находишь и очень успешно, да Иннокентий?

— Поправочка! Я всегда трахался как бог — и вначале, и сейчас, — Федя поставил пустой бокал на стол довольно ухмыляясь.

Иван, закатив глаза, шлёпнул ладонью по лбу, мол «ну что с тобой делать?», продолжал: — И этот волшебный краткий период занят бесконечной пахотой и бытовыми заботами, ты не замечаешь, как проскакиваешь его. ... Наступает плохое время, уже снова не дают, потому что ты старый и некрасивый. И вот — ты немогущий и равнодушный хрен, в объятиях старика Альцгеймера рассматриваешь картинку на обоях в ожидании скудного пенсионерского ужина. ... Стучится приступ и вуаля! Хорошо, если сразу откинешься и не будешь, в самой долгой для тебя теперь дороге до клозета, оставлять за собой жидкий коричневый след.

— Расписал мне перспективку, спасибо, дорогой. Значит, задача сейчас — получить от жизни всё в наш «золотой» период? А как же терпение, преодоление себя, душевные метания? Всем в конторе уши прожужжал про моральный закон и существование по совести.

— Я запутался, Феденька. ... Кажется, все наши моральные терзания мельчают перед естественным, перед желанием, особенно после долгой командировки.

— Вот и салатик, — вклинилась в их разговор запыхавшаяся Алёна.

Она выгрузила с подноса хлеб, тарелки и керамический чайник с двумя аккуратными чашечками.

— Алёнушка, милая, мы не просили чая.

— Тише, мальчики. ... У нас новые правила: не имеем права торговать напитками крепче пива, поэтому соблюдаем маскировку.

Иван огляделся, и правда, на всех столах стояли такая же посуда, как будто они находились в чайхане, а не в поездном кабаке. Он поблагодарил официантку, взял чайник и, придерживая крышку, аккуратно налил прозрачный ядовитый напиток в поданные чашечки.

4

— Ты смотрел фильм «Гостя из будущего?» — громко спросил Иван.

В ушах гудело. Преданное лицо друга расплывалось, и Ваня долго фокусировал взгляд. Перед ними громоздились пустые бокалы, постукивали выпуклыми боками два пустых чайника. Они допивали шестое или седьмое пиво.

— Конечно, каждые каникулы, — кивнул Фёдор.

— Сложно будет, но я попробую объяснить свою мысль. Что я хочу сказать? Я о машине времени, но чтобы такой: заснуть, посмотреть и проснуться со знанием будущего, и сделать всё правильно. ...Ты знаешь меня, Федя, я чувствую иногда некоторые вещи наперёд. Помнишь? Мне приснился снегопад, хотя прогнозы молчали! Я единственный поменял резину в конторе, и все смеялись, а снег-то выпал! Или на трассе. ...Ведь я вас задержал тогда с выездом, а там фура завалилась, аккуратно бы попали! Потому что нехорошо мне было. Чуйка моя сработала!

Фёдор молча кивал.

— И есть у меня какая-то тоска, что ли. Вот живём мы в самой лучшей стране, говорят, хорошо живём, с каждым годом всё лучше, а я так вижу — наоборот, всё хуже и хуже, и иногда, кажется мне, падаем мы, Феденька, в яму чёрную. Глубже теряюсь и слепну. Была бы машина времени, посмотреть, что там лет через пятьдесят, уточнить моё предчувствие, прав ли я, или ерунда, так, показалось. И боюсь я увидеть, что нет в будущем страны нашей, люди странные злые ходят, на чужом языке говорят.

— Ну-у это, проснулся ты, ...это, узнал, и чё бы сделал? — Фёдор с трудом сформулировал вопрос, допил пиво и стукнул пустым стаканом об стол.

Иван подумал и сказал:

— Ничего.

За спиной у него шушукались автомобильные барыги. Сквозь ресторанный гомон выхватывались обрывки: «...модельный ряд, ...новый кузов, ...прибыли нет, ...волатильность шальная, ...рынок рухнул, ...продажи упадут в ноль».

Слева гоготали парни чуть за двадцать, смотрели смешные ролики на телефоне.

Иван тёр виски и после долгой паузы сказал твёрдо и трезво:

— Может, и сделал бы что-нибудь. ... Нет, Федя, забудь, что я тебе говорил, главное для мужчины не бабло, жратва сладкая, да трах-тарарах ещё, а глобальная самореализация! Понимаешь? У настоящих людей должна быть высокая цель. В войне победить, страну заново построить, материк открыть новый, или к звёздам, вверх, — вот такая цель! Это конечно, метафора, но ты меня должен понять, Федька, друг сердешный!

Иван протянул руки и потряс друга за плечи:

— Мы же нормальные люди, человеки, а не вот это. Посмотри, — он качнул головой в сторону соседнего столика. — У них проблем нет, счастье посредственности знаешь в чём? Они не осознают своё невежество и не мыслят высокими категориями. ...Гы-гы-гы, вся жизнь в шутейках и в поисках колбасы по скидке.

Он рухнул обратно на диванчик:

— Хотя, и мы, наверно недалеко ушли, такие же серые, водку жрём да про баб толкуем, и ты тоже хорош, ...читай Достоевского, а не всякую лабуду, понятно?

— Мальчики, вы что-то разошлись, давайте я вас рассчитаю и баиньки, — к ним подошла Алёна, уже не так призывно улыбаясь, положила счёт и застыла в ожидании.

Иван прищурился, глянул краем глаза на серый бланк, исписанный кудрявым ученическим почерком: — Что-то из памяти выветрился вкус лобстеров с трюфелями, а судя по итоговой цифре, мы точно должны были их кушать.

Он кинул всю наличку на стол:

— Сдачу оставьте себе!

Девушка быстро пересчитала и спрятала деньги, глазки опять налились медком:

— Что-нибудь ещё желаете?

— Редкий случай, но мальчики сегодня остались голенькие. Денег нет! — вздохнул Иван.

— Если хотите ещё водочки или чего-нибудь, можете оставить паспорт в залог, потом с деньгами к поезду подойдёте, документ вернём.

— Иван чуть не поперхнулся остатками пива:

— Вот это поворот! Э-э, милая, пару часов назад вы обещали жениться, как же так? У нас купец, — он показал на привставшего Фёдора, в затуманенном взгляде его, характерном изгибе бровей, читалась готовность к не очень чистой любви.

— Вручаю в ваши нежные руки это сокровище. Совет да ..., и что дальше — вам решать! Можете забрать его на полчаса, и для закрепления союза принесите нам пивка за счёт невесты.

— Сейчас наряд вызову, — вдруг сердито и холодно прошипела Алёна.

Иван не узнал ту приятную, встречавшую их девушку. Прищурившись, он рассмотрел её злое угреватое лицо, замазанное толстым слоем тонального крема и рыхлые, прыщавые титьки, выпадающие из блузки.

— Спасибо! Я прозрел! Дайте, пожалуйста, рецепт вашей водки из чайника. Я хочу теперь всегда видеть настоящую реальность. ... Хотя нет, не надо, мне и так сложно жить.

Он театрально обратился к собутыльнику:

— Смотри, Иннокентий, исчезло волшебство. Пробили часики, карета превратилась в тыкву, а принцесса обернулась жадной некрасивой стервой!

Фёдор тем временем безуспешно пытался встать и ухватился за спинку дивана:

— Э-э, Ванюсик, я давно хотел сказать, я не Иннокентий, я — Алонсо, по прапрадедушке я испанец, потомок королевской Габ-б-бу-сбу-бу-рской династии.

Федя шлёпал губами и пускал слюну, долго выговаривая трудную нерусскую фамилию.

— Глупая женщина, настоящий дон Алонсо просил вашей руки, а вы... Мы уходим, где наши шляпы и оружие? Мы не уйдём, пока не вернёте наши шпаги! — всплеснул руками Иван.

— Какие шпаги? А-А-ШО-О-Т! — заорала официантка.

Из кухни выскочил квадратный брюнет в поварском колпаке. Ашот был очень сердит и заряжен выдворить буянов с помощью силы, но, чем ближе подходил, оценивая габариты друзей, тем дружелюбнее становился.

— Вот и шеф, собственной персоной, — Иван расплылся в улыбке. — Ашот, наш витязь без тигровой шкуры. ... Да и зачем вам шкура, у вас отличный естественный подшёрсток.

Повар нервно почесал грудь, взъерошив кучерявую чёрную поросль, действительно густо покрывавшую тело, волосы поднимали ткань замызганного халата и выбивались масляными клоками между пуговиц.

— Эй, братья па-дабру сдэлаем, а? Поел, попил, ухади, — он показал широкой ладонью в сторону выхода.

— Ашот, вы в курсе, что мы кулинарные критики, и если так безобразно важных клиентов принимать, не видать вам звезды Мишлена? — Иван насупился, вытащил ручку из кармана, положил салфетку на ладонь и сделал вид, что будет писать замечания.

— Что с ними сюсюкаться, вызываем ментов, сейчас стоянка будет полчаса. Пусть высадят этих клоунов, — прошипела Алёна.

— И какую причину задержания назовёте? Чрезмерное опьянение незаконно проданной водкой? ... Эх, Алколёнка, а счастье ваше было так возможно! — Иван взял под руку уставшего друга, и они с гордо поднятыми головами покинули заведение.

5

Иван поблагодарил проводницу, спустился из вагона первым и принял от Фёдора рюкзаки. Товарищ отмахнулся от руки, спрыгнул сам.

Федя жил рядом с вокзалом. Он посмотрел на часы и взвалил мешок за плечо:

— Половина пятого. Пойдём ко мне, Ваня, ты ещё пьяный, протрезвеешь, на троллейбусе домой попадёшь аккурат к обеду.

— Ты будто у нас трезвый, — хмыкнул Иван. — Есть плюс, что всё пропили: на такси денег нет, пока пешочком дойду, проветрюсь заодно. Не переживай.

Федя постоял минуту. Иван молча курил.

— Всё хорошо, Вань? Точно?

— Точно, Федя, точно. Иди.

Федя сплюнул, двинул снег ногой. Рыхлая серая масса под ботинком съехала в толстый мокрый комок.

— Снеговик бы вышел знатный, — сказал Иван.

— Самая та консистенция, — кивнул Фёдор. — Бывай, Ваня... Хороших выходных.

— Да, Феденька, спасибо. И тебе. ...В понедельник увидимся.

Ваня посмотрел на спину друга и повернул на запад, в сторону своего района. Шумно втягивал влажный воздух носом и сильно выдыхал ртом, словно стараясь выжать из организма через легкие весь алкоголь, употреблённый за последние двое суток.

Миновал квартал, пересекал парк, покачиваясь и проскальзывая на ледяной дорожке, залитой водицей со снегом, поднимался в пологую горку, разгребая тяжелыми ботинками холодную кашу. Голубоватый свет фонарей освещал его широкий рыхлый след.

Откуда-то сбоку вынырнули три гопника. В бомберах, растянутых спортивках и палёных адидасах. Ваня неторопливо ступал, не смотрел на них, но почувствовал, что возможны проблемы. Парни перекинулись парой слов между собой и быстро двинулись к нему. Он обратил внимание на их рваную обувь: «Наверно, ноги мокрые».

— Дай закурить.

Ваня отвлёкся от кроссов, которые хорошо сочетались с грязными треникам и куртками: «Всё по классике». Всмотрелся в плоское лицо просящего, долгим взглядом обвёл его товарищей.

— Паспорт покажи. — спросил Иван. Страх у него не было, только абсолютное вселенское безразличие.

— Чё?

— Хрен в очё, паспорт, говорю, покажи, выясним, можно тебе сигарету дать или нет?

— Чувак, ты не вдуляешь, по ходу?

— Не хами дяде. Со сколько лет сейчас курево продают? Отвечай! — повысил голос Иван, поправляя рюкзак на плече. — Может, ты ещё маленький, не дорос до сижек.

Парни переглянулись. Они немного замялись перед дерзким мужиком, покачивались с ноги на ногу, не зная, как продолжить процесс кидания объекта на бабки и телефон. Случайный прохожий нарушил принятый алгоритм поведения. В утренней мягкой туманной тишине потрескивали их перегретые маломощные мысленные процессоры, судорожно ищущие выход из непонятной ситуации.

— Вы чё, русского языка не понимаете? И Достоевского, конечно, не читали? Хотя о чём я спрашиваю? ... Сука, как же вы задрали! — выдохнул Иван, резко скинул рюкзак с плеча, толкнул мешок сухощавому упырю слева и сразу обрушился лбом на переносицу наглого центрального. Хрустнул нос, мерзкая рожа перекосилась, нижняя половина лица залилась тёмной жидкостью. Худой левый гопник не удержался под весом брошенного тяжёлого баула, поскользнулся на мокром льду, рухнул, ударившись затылком о дорогу и затих. Третий кидала, мгновенно оценив ситуацию, принял разумное решение не вмешиваться и не отслеживать дальнейшую судьбу своих подельников, метнулся в сторону, по целине, высоко поднимая колени в мокром снегу, растворился в серой оттепельной дымке.

Иван взял за шкирку окровавленного парня, просившего сигареты, подтащил к обочине, молча окунул головой в сугроб у дороги. Поднял рюкзак и побрёл дальше, не оборачиваясь.

Через полчаса он стоял у своего подъезда. Прежде чем набрать номер квартиры на клавиатуре домофона, вдыхал и выдыхал, словно запасаясь кислородом перед нырянием на глубину, считая до двадцати шести — это было его счастливое число.

Он поднялся, открыл дверь и увидел родные уставшие серые глаза.

— У тебя лицо в крови. Что случилось? — испуганно спросила она.

— Дорогая, я убил человека.

Она всплеснула руками и жалобно прошептала:

— Ваня, не пугай меня, пожалуйста, ради детей скажи, что это не правда.

— Моя хорошая, я пошутил, просто поскользнулся и неловко упал, носом кровь пошла, не переживай, — он наклонился и долго рылся в рюкзаке, пока не наткнулся на искомое.

— Посмотри, что я тебя привёз, любимая, это настоящая антикварная вещь! — Иван, покачиваясь посередине прихожей, улыбаясь окровавленным лицом, протянул жене украденную рюмку.

Она схватила раритет и изо всех сил кинула об пол. Стекло расплескалось мелкими брызгами по всему коридору.

— Как я устала от всего этого! — вскрикнула женщина, горько зарыдав, закрывая лицо руками.

Иван ссутулился и пошёл на кухню, не снимая ботинок. Под толстой подошвой захрустели осколки.

Он расчистил место на серебристой дверце холодильника, нащупал в нагрудном кармане комбинезона магнитик, изображающий деревянный зелёный дом с надписью по нижнему краю «Старая Русса» и прилепил его между «Вытегрой» и «Черняховском».

ПУГОВИЦА

Поёживаясь, я переворачиваю страницу. Что-то прохладно для конца мая. Ветер с дождем бьётся в грязные окна вокзала в Лодейном Поле. Закрываю книгу. На обложке образ, заезженный и использованный для оформления чехлов айфонов, чашек, футболок, блокнотов и туалетной бумаги. Всем знакомый в наше время автопортрет человека с грустными зеленоватыми глазами в нелепой шапке. У человека перевязано ухо. Как всё-таки ему сложно.

Человек мучался, искал себя, пока не решился быть художником. Писал брату, тот слушал и всё понимал, а может и нет, но помогал, как мог.

Чёрные изгороди, силуэты кустарников и хижин на белом снегу, словно шрифт из Евангелия.

В начале своего пути человек хотел стать священником, проповедовал в шахтёрских деревнях, разочаровался в справедливости мира, раздал всё добро бедным и больным, разругался с хозяевами шахт и церковным начальством.

Женщины не любили его. Крестьяне считали сумасшедшим. Бродил по окрестным деревням. Спал зимой в поле, на куче хвороста. К утру покрывался инеем.

Картины его хранятся сейчас в секретных бронированных комнатах безмерно богатых уродов, якобы хозяев мира. Один, самый маленький набросок, стоит столько, что хватило бы ему тогда на сто лет жизни и творчества.

От серьёзных размышлений меня отвлекла суeta уборщиц и громкие, смешливые переговоры с матом и прибаутками. Я прислушался. Их озадачил какой-то мужик, мол, улетела пуговица от штанов, когда, торопясь, застёгивался, выходя из туалета. Просил найти. Не нашли. Он расстроился, ушел. Технички долго хихикали, обсуждали между собой:

— Нету пуговики, нету. Из-за пуговицы такой сыр-бор устроить. Чудачок-дурачок.

Вот так. Кто-то теряет обычную пуговицу производства ООО «Славич», и идёт дальше в дождь, утирая рабочим кулаком слезы, с гордо поднятой головой и расстёгнутой ширинкой, а кто-то просаживает очередную жалкую нефтяную компанию и глотает с горя круглую пулю пистолета из дуэльной пары конца XVIII века.

«Тьфу ты. Что за ерунда лезет в голову?»

А настоящий хозяин мира стынет ночью на обочине дороги в старой телеге, укрытый рваным одеялом холодного голландского неба.

Объявили мой поезд. Пора идти.

ВРЕМЕННЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ НЕЧЕРНОЗЁМНОЙ ЗОНЫ

«Начало седьмого. Ещё день пилить. Чаю, что ли, заказать, или попозже, а может, поспать?» — Илья лениво перебирал в уме тонкую колоду вариантов убивания времени, пока стальные колёса вагона свернут пространство до нужной координаты.

Его разбудил сосед: с раннего утра зашуршал пакетами, что-то упаковывал в сумку, а потом надолго пропал из купе. Они ехали вдвоём со станции отправления. За ночь на верхние койки так и не нашлось претендентов.

Илья попытался читать, но отложил книгу и лёжа, опираясь локтем о подушку, рассматривал заросшие ольхой и осиной поля, подсвеченные утренним августовским солнцем.

Неторопливый поезд считал стыки, притормаживал в пологих кривых, огибающих блюдца болот, чуточку ускорялся на прямых участках вдоль запущенных лугов, пашен и искусственных насаждений — уже изрядно одряхлевших елей, — чтобы опять сбавить ход и останавливаться на маленьких станциях со странными названиями: Мстаха, Ножки, Красный Стан.

— Ведь когда-то рожь выращивали здесь, а сейчас зайцы да лоси бегают, — Илья услышал голос соседа за спиной.

Пожилой сухощавый мужчина в голубой рубашке с закатанными рукавами и мокрыми пятнами на груди зашёл в купе с полотенцем на плечах и хлопнул за собой дверью.

Убрав зубную щётку и бритву в сумку, продолжил:

— Сейчас, чтобы эти поля в дело пустить, столько труда потребуется: сорный лес свести, распахать. Эх, — он вздохнул. — Хотя никому это не надо. Зачем на земле вообще что-то делать, корма заготавливать, растить скотину? Проще закупить технического пальмового масла и кормить людей суррогатом. На наш молокозавод сейчас приезжает одна машина с коровника, а пьёт молочко и сыры кушает местного производства вся область. Выводы делай сам...

Илье показалась странной столь мрачно-экспрессивная утренняя разговорчивость попутчика. Вечером они только кивнули друг другу, попили чаю, застелили бельё и легли спать без единого слова.

— Меня, кстати, Дмитрием Ивановичем зовут, можно просто Иваныч, — сосед протянул руку.

Илья представился и пожал влажную мозолистую ладонь.

Сосед отточенным движением зацепил фляжку из внутреннего кармана ветровки, висевшей у двери, и отхлебнул.

— Может, глоточек коньячку за знакомство?

— Нет, спасибо, — Илья уже догадался о причинах искренности Дмитрия Ивановича. Ранний опохмел — лёгкий и весёлый поворот на тяжёлую дорогу.

— Ну как знаешь... молодец, что не пьёшь, проживёшь дольше, может, и увидишь свет в нашем мутном окошке.

Иваныч опрокинул фляжку, выдохнул, посмотрел в окно с минуту, потом, словно что-то вспомнив, прищурился:

— Прости за сложный вопрос: вот ты не пьяница, вроде хороший парень, скажи — ты умеешь прощать? Ты простишь, если убивать будут, но ты выживешь, и к тебе приведут людей, воткнувших ножи в твою спину?

— Прощу, — спокойно и уверенно ответил Илья. Он привык к подобным разговорам с подвыпившими соседями по купе. — Вот если из семьи кого-то тронут, маму, сестру, тогда нет.

— Я тоже прощу. Знаешь, нас очень много таких, которым вообще на себя наплевать. Так нами и вертят. Станный мы народец, можем и сами ножик предложить, и спинку повернуть, чтобы удобнее втыкать было.

Иваныч запрокинул голову, вытряхнул в горло последние капли и спрятал флягу.

— Ладно, Илюша, скоро выходить.

Он собрал вещи, вытащил из рундука сумку, закинул на плечо, пожал руку попутчику:

— Приятно познакомиться, удачи! И будь здоров!

Поезд остановился на три минуты, когда вагоны тронулись, Илья увидел на дороге за станцией удаляющуюся сутулую фигуру попутчика. Дмитрий Иванович, будто что-то припоминая, остановился, посмотрел назад и поднял руку с раскрытой ладонью в прощальном приветствии. Илья помахал в ответ: «Чудной всё-таки дядька, но хороший».

Сколько таких случайных знакомых мелькало в жизни Ильи... Ему приходилось много ездить по стране. Он согласовывал участки под строительство базовых станций мобильной связи, вылетал в тундру и тайгу, общался с рабочими и руководителями. Кстати, умение договариваться было самым главным его качеством, за которое он ценился начальством, а главное, холостому и безотказному, ему было не в тягость собраться за считанные минуты в месячную командировку. Первые годы молодой инженер получал удовольствие от новых мест и людей, но через пятнадцать лет он выгорел, интерес пропал. Илья, конечно, понимал, что работа даёт ему хлеб и свободу, но иногда в душу просачивалась беспредельная тоска, от которой не было лекарства. Сверстники давно обзавелись семьями, воспитывают детей, а он не смог даже найти себе девушку.

Вот и сейчас он поговорил, немного оживился, и опять пустота. Ехать ещё долго... Читать не хотелось.

Он лёг, закрылся простынёй и попытался заснуть. Почему-то в памяти всплыло лицо незнакомой молодой женщины, обрамлённое длинными тёмными волосами. Она смотрела на него любящими глазами и шептала что-то. Он прислушался, понял несколько слов: «...Ты мне очень нужен...»

Остальное не разобрал. На секунду ему показалось, что девушка действительно лежит на нём, и простыня скрывает их обоих с головой. Белый рассеянный свет пробивался сквозь ткань. От её сладкого дыхания у Ильи закружилась голова. Он потянулся к ней губами и проснулся.

Посмотрел на часы. Прошло всего семь минут с предыдущей остановки, на которой вышел сосед. Красная секундная стрелка на его глазах отсчитала три деления и замерла. Илья потёр ладонями виски. Удивительно было не то, что часы, безотказно отходившие пять лет на одной батарееке, вдруг встали, странно, что он стал свидетелем их остановки.

Он натянул джинсы и рубаху. Сунул ноги в ботинки и ещё раз, чтобы окончательно убедиться, взглянул на циферблат. Зрение его не обмануло: часы встали.

Илья взял щётку, пасту и полотенце, выглянул в коридор. Судя по отсутствию очереди у туалетов, пассажиров в вагоне было немного. Он помылся, на обратном пути посмотрел расписание остановок. Прибавил время утреннего туалета к показаниям мёртвого хронометра, прикинул, что где-то минут через десять поезд должен подойти к станции Бежинов.

В купе посмотрел на себя в зеркало. Напряг бицепсы, усмехнулся про себя: «На сорок не тяну, может, на тридцать девять? С половинкой».

— С половинкой.

Ему показалось, что последнее слово повторил вслух мелодичный женский голосок.

Илья вздрогнул. Встал на нижнюю полку и проверил багажный отсек над дверью.

«Кого ты там хочешь найти? Девушку, которая смотрела на тебя под простынёй?»

Вернулся к окну. За стеклом мелькали деревянные домики и заборы — пригороды Бежинова. Намётанным глазом выхватил из пейзажа новую вышку связи: «Полста метров высотой,

не меньше. Хороший сигнал будет на плоской равнине». Он убрал туалетные принадлежности, зарядку от телефона и книгу. Накинул куртку, проверил, на месте ли паспорт, наличные, кредитки, и вышел из купе с портфелем. Он всегда ездил налегке.

Проводница удивлённо посмотрела на его багаж, когда Илья прыгнул с подножки и направился к зданию вокзала.

— Мужчина, остановка двадцать минут, не опаздывайте, — крикнула она вслед.

— Я, пожалуй, здесь останусь, так что не ждите, — он оглянулся и поднял раскрытую ладонь, как сделал это недавно сосед Дмитрий Иванович.

— Что значит останетесь? У вас билет до конечной станции!

— А я хочу выйти здесь.

— Хочет он... Вот мужик пошёл, небось, дома жена ждёт, дети... — Проводница покачала головой, мол, каких только чудиков не встретишь, и что-то сказала проводнице из соседнего вагона, потом, будто вспомнив важное, быстро поднялась в вагон и прошла в купе сбегавшего пассажира. Увидев, что подстаканник и полотенце на месте, выдохнула облегчённо и принялась собирать бельё.

Илья не услышал её последнюю реплику. Весело, с осознанием чего-то нового и незнакомым светом в душе, шагал по платформе. В кассе вокзала взял билет на этот же поезд, уходящий из Бежинова в воскресное утро через двое суток. В его распоряжении — два дня жизни в незнакомом городе.

Он достал телефон и погуглил адреса отелей. Оказалось, что городок-то малюсенький, с одной гостиницей, находящейся недалеко от вокзала. На космическом изображении местности к улице с отелем вела дорожка напрямую через зелёный массив, метров восемьсот всего, а мобильное приложение почему-то выстроило маршрут вкруговую — крюк в четыре километра. Илья посмотрел на дату снимка и увеличил картинку. Просека упиралась в реку с узеньким мостиком. Он предположил, что переправу навели в это лето, космоснимки свежие, а карты навигатора ещё не обновились, поэтому программа нарисовала длинную трассу через мост в центральной части города.

«Хоть настоящие герои ходят в обход, мы пойдём прямым путём!» — решил Илья.

Спутник не обманул, за железнодорожной станцией начиналась аллея через заброшенный яблоневый сад, кое-где сохранились старинные скамейки. Кроны деревьев переплетались над головой. В густой тени под ногами светлыми островками выделялись крупные плоды опавшей антоновки. Дорожка напоминала бильярдный стол с тысячей застывших шаров, и раскатанное сукно с чьей-то не законченной игрой терялось в тумане. Илья разломил яблочко, понюхал, поднёс к глазам — такое сочное, чистое, желтоватое — и с хрустом откусил. Рот наполнился сладкой слюной.

— А ведь вкусно! Почему не собирают? Странно... — пробормотал он вслух, пережёвывая мякоть. И эхо отозвалось в ветвях «...но... но...».

Он сорвал три яблока и положил в портфель. В утреннем воздухе витал густой кисловатый дух, словно в саду опрокинулась цистерна с сидром. Илья смотрел под ноги, стараясь не наступать на подгнившую падалицу.

Аллея вывела к реке, через которую был наведён пешеходный деревянный мостик шириной в два метра. Свежие сосновые доски сочились смолой. Казалось, переправу закончили собирать сегодня утром.

Довольный, что выбрал эту красивую дорогу, он перебрался на другой берег, вышел на улицу, миновал круглосуточную пивную с двумя курящими любителями пенного, подпирающими стену, пересёк кривую мощённую камнем улочку и упёрся в особняк с мезонином. Это был купеческий дом с каменным первым и вторым этажами и деревянным верхом, причём нижние окна находились на уровне тротуара. Навигатор показал, что ветхий памятник архитектуры позапрошлого века и есть его цель. Вход в гостиницу находился во дворе. Над массив-

ной дверью с двумя резными вензелями в виде двузначных номеров «21» и «12», разделённых знаком, похожим на песочные часы, вписанные в круг, висела медная табличка:

Отель
«Дом с мезонином»

«Название в точку, и не поспоришь», — подумал Илья, толкнул дверь и очутился в небольшом холле, напоминавшем проходную в общежитии. Уголок администратора закрывала широкая старая рама, поделенная рейками на множество секций. Такие загородки делали раньше в деревнях в банях и сенях. Стекла не хватало, и умельцы вставляли в окошечки кусочки размером с ладонь.

Он подошёл ближе, рассмотрел сквозь мутные стёклышки силуэт старушки в платочке с блюдцем в руке. Гудел телевизор. Он кашлянул. Вахтёрша не услышала. Илья постучал по раме и заставил её вздрогнуть.

— Стучать необязательно, звоночек есть, — она открыла форточку на уровне пояса Ильи. — Чего хотели?

— Простите, — он только сейчас заметил чёрную кнопку справа от форточки. — Доброе утро, у вас есть свободный одноместный номер на пару дней?

— Остался один двухместный с подселением, полторы тысячи за ночь, паспорт покажите.

— Давайте я заплачу за два места, — Илья передал ей документ.

— За два не положено, вдруг ещё человек придет, а ночевать негде, — строго прошамкала старушка, нацепила очки с толстыми линзами и переписала его данные в ученическую тетрадку со светло-зелёной обложкой.

— Хорошо, как скажете, хотя и странно это. Если никого не будет, вы просто потеряете деньги, — он просунул в узенькое окошко три тысячных купюры.

— Не в деньгах счастье... Ваш номер седьмой, на втором этаже, в конце коридора направо, квитанцию потом выпишу, — она положила на стойку паспорт и ключ, прикреплённый к деревянному цилиндру с цифрой «7», похожему на бочонок от лото.

Номер оказался неожиданно большой, в два окна, полузакрытых фиолетовыми гардинами; одно выходило в боковой переулочек на пивную, а второе — широкое, с балконной дверью — на реку и тот самый яблоневый сад. Ветхие полутороспальные кровати терялись во мраке обширного номера в дальнем углу с правой стороны. Илья бросил портфель на старинный стул у стола. Заглянул в открытую дверь ванной. Обстановка даже на него, выдавшего антикварные санузлы по всей стране, произвела впечатление.

Пол, выложенный коричневой, местами сколотой плиткой, сходил к чёрной решётке стока по центру. К дальней стенке, покрытой известковыми разводами, крепился душ. Из ржавой лейки капала вода. Раковина отсутствовала.

— Ну да, зачем нам раковина, не нужна она в туалете, — заметил вслух Илья, рассматривая потолок, расписанный абстрактными фресками разноцветной плесени.

Главным украшением санузла являлся унитаз салатного оттенка, к которому вела труба с бачком на вершине. Мощная цепочка свисала с чугунной сливной ёмкости. По всей вероятности, на этой цепи держали в стародавние времена купеческого сторожевого пса.

Дощатый скрипучий пол номера закрывал потёртый грязно-розовый, в лучшие свои годы ярко-красный ковёр с еле различимым среднеазиатским орнаментом. Вшитые петли по длинной стороне указывали на его когда-то привилегированное положение настенного украшения, а сейчас обтрёпанный кусок былой роскоши маскировал обширные щели между половиц. По зелёным блёклым обоям в полутора метрах от выщербленной спинки одной кровати к изголовью другой была пущена синей шариковой ручкой бесконечная волнистая вязь длинным китайским драконом, выведены круглые буквы с правильными соединениями, словно образцы из

школьных прописей. Илья, поворачивая голову, разобрал строчку из знаменитой песни, очень любимой им в студенческие годы: ...*ятебясладкаямоялюблютебятаклюблютебялюблюлюблютебятакхочутебя хочешьяубьюсоседейчтомешаютспатьятакхочутебятаксилнолюблютебя...*

Продолжение речитатива терялось за пределами ложа. Мысль автора послания на обоях была понятна. Судя по обращению «сладкая», Илья понял, что это написал мужчина. В эти края, конечно, уже долетели вести о гендерном многообразии цивилизованного мира, но воспринимались они примерно как средневековые сказы о людях с собачьими головами, живущих за морем. Так что история, где женщина любит другую женщину, исключалась в этих местах. Как-то Илья спросил на дружеской отвалной вечеринке одного опытного связиста в посёлке восточнее Сыктывкара в тот момент, когда разговоры уже велись обо всём на свете: «Вот представь, ты узнал достоверно, что твой сын — гей. Что ты будешь делать?» Мужик в момент помрачнел, стукнул стаканом по столу и сказал: «Я его убью!»

Несчастный постоялец старого гостиничного номера кого-то отчаянно и безнадежно желал. От синей бесконечной и страстной чернильной молитвы о любви веяло безысходностью. Словно человек писал и звал, но звать было, наверное, уже поздно.

Илья сел на кровать, заскрипевшую и зашатавшуюся. Он откинул бордовое покрывало, поднял полосатый матрас, вскрыв конструкцию. Ложе было собрано из поперечных древесно-стружечных плит разного оттенка, судя по выцарапанным надписям: «ГрОб», «Цой жив», «БГ бог», «Физичка Лара сука», «Люблю Машку жопу», когда-то давно, очень давно, это были столешницы школьных парт. Он бросил взгляд на стену: ...*ятакхочутебятаксилнолюблютебя...*

Кого любил этот человек? Илье даже стало завидно. Ведь бывает такое яркое чувство. Он никогда не любил, и ему было всегда забавно наблюдать за душевными муками сокурсников. Они бухали, уходили в академку, некоторые не возвращались. Оставались в памяти только чужие слёзы, сопли и жалостливые разговоры в курилке. Илья не понимал, как так можно сокрушаться... и тем более рыдать. Он сам не плакал даже на похоронах отца, и незнакомые старухи шептались: «Экий сухарь, ни слезинки не уронил». Илья тогда не проронил ни слова, только спросил у могильщиков, почему могила неглубокая. Те замаялись, сказали, что грунт тяжёлый: «Командир, не смогли глубже, твёрдый суглинок с валунами, хоть взрывай... сил нет».

...

Ялюблюлюблютебямоясладкаяятакхочутебяхочешьяубьюсоседейчтомешаютспать...

Он представил, что могло твориться в этом номере. Лёг на кровать и закрыл глаза. Услышал смех, и представил лицо. Мягкий язычок лизнул его по сухим губам. Смуглая фигурка мелькнула и закрыла для него мир. Он ощутил это наяву, открыл широко рот, почувствовал женский твёрдый сосок, толкающий его в нёбо. ...Взбук затёртый деним в паху, отлетели заклёпки ширинки. Он сунул ладонь вниз и крепко сжал жёсткую ткань.

Илья проснулся от яркого солнечного света, щекотавшего веки. Полуденные лучи пробивались между фиолетовых гардин, украшая старую комнату золотыми пыльными колоннами.

Оставив портфель в номере, спустился по скрипучей лестнице и выскочил со двора на залитую солнцем улицу. Дежурная смотрела телевизор и не заметила уходящего постояльца. Он привычно посмотрел на часы. Стрелки остались на старых значениях. Илья будто оказался вне времени.

Его охватило радостное чувство, что всё будет очень хорошо, последний раз подобные эмоции он испытывал в детстве, в конце учебного года. Это было предощущение огромного и светлого лета — сто дней счастья впереди.

Он улыбался прохожим, свистел пробегающим барбосам и гладил попадавших на пути котеев. Странно, кошки в Бежинове совсем не боялись его и ластились, как к хорошему знакомому. Илью одолела страшная жажда, он захотел выпить — не воды, кофе или чая, а именно бухнуть чего-нибудь покрепче, напиток вдрабадан уже сейчас, днём, а какая разница, ведь до воскресенья он совершенно свободен.

Забежав в первый попавшийся бар и пройдя к стойке, Илья на ходу бросил:

— Добрый день, сто грамм виски и пиво, пожалуйста.

После яркого света улицы он не сразу разглядел в полумраке заведения миловидное лицо барменши и выразительные глаза, попытался сгладить резкость появления, пошутил дежурно:

— Буду устраивать ирландский полдник.

Девушка за стойкой оценила напор клиента, к тому же, понятно, не местного, улыбнулась и быстро выполнила заказ.

Холодное пиво упало в иссушенное горло, как вода на каменку в бане. Виски зашёл сложнее, он слегка поперхнулся, но, стараясь не упасть в грязь лицом, допил стакан одним глотком и выдохнул:

— Повторите.

Барменша быстро наполнила пустую посуду.

— Здравствуйте, — Илья повернулся на голос. В тени, на углу стойки, сидел молодой человек и внимательно разглядывал его.

— Красивые у вас часы, у меня той же фирмы, — парень покрутил запястьем.

— Я купил свой хронометр в Нью-Йорке, — зачем-то соврал Илья.

Сосед сник и больше не поворачивался. К нему пришла девушка, он что-то шепнул ей на ухо. Только когда молодой человек отлучился в туалет, девушка оглянулась и бросила на Илью долгий оценивающий взгляд. Илья улыбнулся и сделал вид, что рассматривает игру пузырьков в бокале пива.

Он повторил заказ ещё два раза. Расплатился и поблагодарил барменшу. Повернулся к парню с девушкой, спросил, стараясь чётче выговаривать слова:

— Не подскажете, где я могу найти часовщика? Мне нужно батарейку поменять.

— В центральном универмаге, на площади Ленина, он старенький совсем, не Ленин, а... — оживился парень, хотел что-то добавить ещё, но увидел только спину Илья, выходящего из бара.

Смеркалось. Под ногами шуршали жёлтые листья. Мокрый асфальт отражал свет фонарей. Чёрные скелеты старых лип расплывались во влажной дымке.

Он заглянул в ближайший магазин, взял бутылку коньяка, покружил по вечернему туманному городу, не понимая, куда идти, наконец вышел к реке и, держась параллельной улицы, добрался до гостиницы. В номере с треском открыл балконную дверь, впуская сырой осенний воздух. Распечатал склянку и сделал большой глоток из горлышка. С трудом сдержал рвоту. Вспомнил о сорванных яблоках из сада. Отстегнул замок портфеля, высыпал на кровать три сморщенных коричневых плода, подёрнутых плесневелой бахромой.

Скинул ботинки и куртку, смахнул покрывало и лёг на кровать. Ночью он проснулся и почувствовал шевеление в ногах. Свет так и не выключил. На кровати сидела кошка.

«Наверно, залезла через балкон... ну лежи, лежи, не бойся».

То, что это кошка, а не кот, Илья догадался по черепаховому окрасу. Учительница по биологии говорила, что такой масти могут быть животные с женским набором хромосом. Он аккуратно подвинулся и закрыл глаза. Ему снилось лето, он гремел ведрами, шёл на колонку, а сзади бежала рыжая соседская киса. Она ходила за Ильёй днём и даже оставалась на ночь, чем очень сердила бабушку. Вечером кошка ложилась ему на грудь и мурчала, а когда он засыпал, бабушка брала её за шкурку и выбрасывала за дверь на крыльцо.

Скрипнула балконная дверь, качнулись фиолетовые гардины, и на выцветший ковёр с восточным орнаментом упали снежинки, занесённые в комнату порывом холодного северного ветра.

Рано утром он услышал звук льющейся воды в санузле. Было ещё темно. Кто-то погасил в номере свет. Кошка ушла. Илья встал и заглянул в приоткрытую дверь туалета. В душе мылась молодая женщина с длинными тёмными волосами. Она запрокинула голову и подставила лицо струям из ржавой лейки. Бросился в глаза тоненький белый ручеек кожи, спускающийся от поперечной полоски на смуглой пояснице и теряющийся между ягодич.

Зрелище поразило Илью. Несоответствие убогой обстановки и красивого женского тела возбудило его до крайности. Он на цыпочках вернулся в кровать. Прикрыл глаза: «А вдруг это мне снится?» Щипнул себя за руку. Услышал, как скрипнула дверь душевой, замер. Босые ноги ступили на ковёр, он почувствовал сладкий, почему-то знакомый аромат. На лицо упала капелька. Илья приоткрыл глаза. Женщина, завернутая в полотенце, стояла посередине комнаты и расчёсывала волосы.

«Нет, это не сон».

Он двинулся, затрещала кровать.

— Проснулись, простите, я вас разбудила, меня определили к вам, — она заметила его движение.

Илья, вспоминая картину в душе, стараясь не смотреть на неё, сердито прохрипел:

— Разве женщин подселяют к мужчинам? Наверное, это ошибка.

— Экий вы ретроград, людям ночевать негде, не на вокзале же мне сидеть, на улице холодина... Меня, кстати, предупредили, что заехал один сухарь с портфелем, — усмехнулась она и щёлкнула выключателем. — Вы не против, я свет зажгу? А то сидим, как в пещере.

— Сухарь? Так и сказали? — Илью немного задели её слова, он вспомнил старух на похоронах.

— Дежурная так и сказала: «сухарь». Не переживайте, я только на сутки.

— Я, в общем, тоже... Остался день. И никакой я не «сухарь», живите, мне-то что.

— Спасибо, вы очень щедры, — иронично заметила она.

Он поднял с полу куртку, достал телефон. Экран не реагировал на прикосновение, аппарат разрядился в ноль. Вспомнил про початую бутылку.

— Если хотите согреться, у меня есть коньяк.

— Да, спасибо, не откажусь.

Он прошёл мимо гостыи, вдохнул её запах, закружилась голова. Взял со стола стакан, плеснул до половины, протянул, и только сейчас рассмотрел лицо. Тонкий нос, зеленоватые смеющиеся глаза, почему-то знакомый рот. Ему показалось, что он уже видел её. Разве не она явилась ему в купе? Опять фантазии, одни фантазии.

— Простите, без закуски, — он налил себе.

— У меня есть шоколадка.

Она порылась в сумочке:

— Господи, чего тут только нет. Вот, нашла.

Гостыя поломала плитку и разложила кусочки на фольге:

— Угощайтесь.

Сама села рядом, положив ногу на ногу, при этом Илья увидел её обнажённые бёдра до опасных пределов, ногти на ногах незнакомки были фиолетового цвета.

Он отвернулся, подошёл к окну, закрыл балкон. На улице шёл снег. Пушистые хлопья медленно кружились в свете фонарей. Из-за угла показалась шатающаяся фигурка с белоснежными эполетами на плечах. Человек брёл в сторону круглосуточной пивной, оставляя за собой на холодной простыне улицы неровную чёрную цепочку следов.

Илья взял второй стул у кровати, вернулся к столу и сел напротив гостыи. Она ждала его, протянула стакан:

— Будем знакомы, меня Надежда зовут.

— Илья.

Они чокнулись. Илья обратил внимание, что на её руке не было обручального кольца.

— Надежда, не подскажите, сколько времени? — спросил он, выпив коньяк одним глотком. — У меня часы встали.

— А какая разница? — она серьёзно и загадочно посмотрела на него и вдруг улыбнулась.

— Вы куда-то спешите?

— Нет, просто непривычно как-то. Уже почти сутки без времени. Странное ощущение.

— Значит, будем использовать время с толком, — она отхлебнула, забавно сморщила носик и положила в рот кусочек шоколада. — Расскажите, Илья, как здесь оказались?

Надежда окинула рукой скромную обстановку в номере.

— Ехал домой, внезапно появилось желание выйти в Бежинове.

— Прямо так, захотелось?

— Да, наверное, это странно, обычно я так не делаю.

— Вы знаете, а мне нравятся люди, способные на стихийные поступки, значит, вы не «сухарь», осталось в вас что-то живое.

— Спасибо за комплимент, — буркнул он.

— Не сердитесь, — улыбнулась Надежда. — Мы все подчинены внешним обстоятельствам: семья, дом, служба. Заметили, что в последнее время работы становится слишком много и слишком мало жизни?

— Согласен, жизни не осталось, — кивнул Илья и прошёл со стаканом к окну. На тротуаре появилась вторая цепочка следов. — Наверное, сейчас часов шесть утра, хотя такая темень... Очень давно, когда я учился в университете, в декабре со мной случился казус. Я пришёл с пары и лёг спать. Проснулся, на улице темнота, как сейчас. Посмотрел на часы: без пятнадцати восемь, до лекции оставалось совсем немного. Я быстро собрался, схватил сумку и побежал на автобус. Но университет был закрыт. Оказалось, я приехал на учёбу вечером.

— Забавно, — она улыбнулась задумчиво. — Вы знаете, Илья... а давайте на «ты»?

— Хорошо, договорились.

— Про время тоже могу рассказать смешную историю, случившуюся со мной в Пскове год назад. Я завтракала в ресторане гостиницы. Ко мне подсел бородатый мужчина, приличного вроде вида и спросил не про час, и даже не про день недели, он поинтересовался, какой сегодня месяц. Представляешь, месяц!?

Илья улыбнулся, засмеялась его соседка. У неё был звонкий, красивый, искренний, почти детский смех.

— Месяц!.. Мужчина сказал, что запил и потерялся в датах. Кстати, он оказался очень интересным собеседником.

— Прямо интересным-интересным?

— Очень... даже удивительно. У тебя такого не было?.. Иногда встречаешь старого хорошего знакомого или знакомую, улыбаешься, киваешь, слушаешь необязательную информацию и делаешь вид, что очень интересно узнать о новых соседях по лестничной площадке и очередном повышении цены на бензин. Тебе скучно, корабли разошлись, и за долгие годы жизни общие воспоминания обросли толстым слоем ракушек нового опыта, и ты облегчённо выдыхаешь, распрощавшись... Странно, иногда случайный сосед или соседка в самолёте, поезде, зале ожидания, или вот, как тот дядька в гостинице, становится лучшим собеседником в вашей жизни. Вы обсуждаете различные темы — от геополитики до любимых блюд, и вам хорошо, но приходит время, и вы расходитесь в разные стороны с некоторым сожалением, и напоследок, улыбнувшись, помашете рукой друг другу... Вдруг это был мой человек?.. Он пригласил меня

в ресторан и смешил без перерыва. Потом мы гуляли вдоль реки Великой, кажется, она так называется? Он читал стихи и пытался поцеловать.

— Вот ведь негодяй, — смеялся Илья. Странно, он почувствовал, как царапнуло в душе: «Господи, я ревную?»

Она отхлебнула ещё:

— Когда идёт снег, я вспоминаю такие встречи и думаю: наверное, мы были близки с этим мужчиной в прошлой жизни... а может, встретимся в следующей?

— А при чём тут снег? — спросил Илья.

— Не знаю, он иногда падает с неба, и я вспоминаю... Люблю снег. И дождь люблю. Так тоскливо, хорошо. Сейчас почему-то везде по телевизору и в интернете уклон в безудержное веселье, все должны хохотать и радоваться жизни, а я вот не желаю. Хочу плакать иногда и грустить.

Он пристально взглянул на собеседницу. Ему очень сильно, до боли в затылке и внизу живота, захотелось обнять её и прижать к себе.

— Не смотри, я оденусь, — попросила она Илью, словно старого знакомого. Встала, подошла к кровати, скинула полотенце.

— Да, конечно, — он отвернулся, но не сразу, успев заметить острые конусы груди, увенчанные большими тёмными сосками. Налил себе коньяку и выпил, глядя на обои.

— Теперь можно.

Он повернул голову и замер. Она была в светло-бежевом платье с разрезом и красных туфлях на высоком каблук.

— Ты очень красивая.

— Спасибо, Илья, — улыбнулась Надежда и накинула шерстяное пальто цвета кофе с молоком. — А сейчас идём гулять.

Они вышли из гостиницы, пересекли реку по мосту из посеребривших сосновых досок. Над садом поднималось солнце. Тёплый ветерок колыбал ветви цветущих яблонь. Дорожка, усыпанная лепестками, терялась в утренней розоватой дымке. Ступать было мягко и приятно. Она держала его под руку, иногда прижималась головой к его плечу, и сердце Ильи замирало.

Он остановился у старой скамейки, кинул на подгнившие доски свою куртку, сел и постучал ладонью рядом.

— Можно? — она неожиданно села ему на колени и обняла за шею.

Илья вздрогнул, по спине побежали мурашки. Он чуть не задохнулся от волшебного её запаха и чего-то нового, невиданного и неиспытанного ранее.

Её лицо так близко. Эти губы и глаза зеленоватого оттенка. Кровь ударила в виски. Он плохо соображал. Повернул голову и прижался к ней. Она улыбнулась и поддалась. Он жадно целовал её, ощущая вкус коньяка и шоколада, гладил горячие колени, в их волосах путались молодые листья и белые соцветия, а высоко в небе загорались новые звёзды.

Илья поднял руку и сорвал яблоко:

— Будешь?

— Да... пойдём домой, я хочу тебя, — она потёрлась носом о его заросшую щеку. — Какой колючий.

— Давай ещё минутку посидим, — попросил он. — Только это будет другая минутка. Не стандартные земные шестьдесят секунд, а минута длиной в жизнь бабочки, минута с далёкой, гигантской тяжёлой планеты, которая очень медленно поворачивается вокруг своей оси. Ведь есть планеты в дальнем космосе, где год длится миллион лет. Так много, наверно, нам не надо, пусть наша минута длится хотя бы обычный земной час... нет, пусть как жизнь бабочки — один день.

— Хорошо, это будет очень длинная минутка, а впереди у нас целая жизнь, сотканная из подобных бесконечных мгновений, правда?

— Да, родная, я сейчас понял... ну, как ты говорила там, за столом: я нашёл своего человека.

Когда они подошли к гостинице, Илья сказал:

— Поднимайся в номер. Я быстро. Куплю поесть и назад.

— Да, жду тебя, не задерживайся, пожалуйста, — она поцеловала его в губы и погладила по щеке.

Он побежал в центр, в универмаг на площади Ленина, купил фруктов, шоколада, мясной нарезки, готовых салатов, одноразовой посуды и самого дорогого коньяка. На выходе, в углу, он заметил вывеску «Ремонт часов». За конторкой сидел старик в засаленном берете и с чёрным окуляром, прицепленным к очкам. Он что-то выговаривал в воздух, вытирал грязным платком крючковатый нос, ковыряясь в винтажном будильнике.

— Здравствуйте, а вы можете поменять батарейку? — спросил Илья, наклоняясь к окошку, торопливо снимая с руки хронометр. Сильно дёрнул, и браслет сломался. — Блин... и почините ещё железо, только, пожалуйста, быстрее.

— Не спешите, юноша, всё, что сделано второпях, как правило, недолговечно, — старик отложил работу, взял часы, покрутил в руках. — Молодой человек, вы понимаете, что вам нельзя доверять дорогие часы? Как можно было довести их до такого ужасного состояния? Соединения сгнившие. Весь браслет нуждается в переборке.

— Вы поймите, я же работаю, иногда под дождём, грязь, бывает, попадает, — Илья виновато топтался, отсчитывая секунды в уме.

Часовщик укоризненно покачал головой и, похоже, не принял оправданий. Долго стучал маленьким молоточком, выбивая обломок шпильки. Срастил браслет, поменял батарейку.

Илья расплатился с недовольным мастером, сунул часы в карман и рванул в гостиницу. Он бежал, пробиваясь через стену мокрого снега. Ворвался в номер, промокший до нитки.

В сумраке комнаты на кровати сгорбившись сидела Надежда. Он кинул пакеты с продуктами, упал перед ней на колени.

— Мы сейчас поедим. Потом ты отдохнёшь. Смотри, я заменил батарейку, теперь мы точно знаем, который час, — он нацепил браслет.

— Зачем ты это сделал? — спросила она.

— Что сделал?

— Починил часы.

— Как же, моя радость, я же должен знать время.

— Мы только начали, нам не нужно было времени, потому что мы жили вне его, купались за пределами, а сейчас... я тебя ждала, так ждала... Ты знаешь, ведь оно утекает, — на осунувшемся её лице, посередине лба, появилась глубокая, невидимая ранее, морщинка. — Прощай.

Хлопнула дверь. Илья ударил кулаком по стене и пнул пакет. По ковру разлетелись мандарины и сливы.

Он накинул куртку и выскочил на улицу. Метнулся было в город, но потом решил, что, скорее всего, Надежда ушла на вокзал. На заснеженной дорожке в саду увидел свежие женские следы, и сердце заколотилось в безумном ритме. Услышав длинный гудок, Илья полетел через чёрно-белую галерею оголённых крон, проскальзывая на мокром снегу, выскочил на вокзал. Станционные фонари выхватывали из ранних сумерек сутулые спины уходящих провожающих. Он опоздал. Серая гремющая гусеница поезда дёрнула хвостом последнего вагона на выходных стрелках.

Илья в последней надежде ворвался в здание вокзала, испугав греющихся бродяг. Её там не было. Как сомнамбула блуждал до полуночи по городу, но тщетно. Надежды он не нашёл.

В первом часу Илья заглянул в пивную у гостиницы.

— Сынок, добавь на пиво, — грязный и старый сухощавый мужичок дежурил у входа. Илья присмотрелся и узнал Дмитрия Ивановича, соседа по купе.

Купил себе стакан портера, наполнил для Иваныча две пластиковые литрухи.

— Спасибо, сынок. Вот это подгон, от души в душу. Ты — человечиче, таких, как ты, парень, — один на сто тыщ, — Иваныч благодарно тряс головой, шамкая беззубым ртом.

— Иваныч, ты же... вы что, не узнали меня? Мы виделись позавчера, ехали вместе. Помните, вы спрашивали про ножик в спину?

— Прости, друг, не узнаю, чё-то запамятовал я тебя... Слушай, я пойду...

Старик прижал бутылки к груди и, испуганно оглядываясь, поспешил скрыться за углом.

В гостинице Илья постучал в тёмное окошко рецепции. Вспомнил о звонке и нажал на кнопку.

— Вот не спится-то шальному, — ворчала сонная старуха, открывая форточку.

— Простите, прошлой ночью женщина ко мне в номер заселилась, вы не могли бы сообщить её адрес, она обещала мне сказать, да второпях забыла, — Илья протянул в окошко тысячную купюру.

— Убери деньги, с ума сошёл, не заезжало вчера никаких женщин... Нажрётся до белочки, людей пугает, чёрт лохматый... поселился на нашу голову... когда же ты съедешь уже... — дежурная что-то ещё ворчала, но Илья ничего не слышал.

Он поднялся в номер. Поставил на зарядку мобильник. Открыл коньяк и сел за стол.

«Как же не было, вот шоколадка её и...» — он взял стакан, из которого пила Надежда, облизал ободок и почувствовал вкус помады. Налил до краешка, закрыл глаза и медленно выпил.

Посмотрел на часы. Красная стрелка бодро отсчитывала секунды. Проверил билет. Спать до поезда оставалось совсем немного. Взял телефон и поставил будильник. Сел на кровать и завалился на спину, чертыхнулся, откинул матрас. Крышки от парт были проломлены, словно кто-то тяжёлый прыгал на них.

Илья подвинул соседнее ложе и нашёл на стене окончание длинной надписи про любовь:
...ятакхочутебятаксильнолюблютебялюблютебя

Достал ручку из портфеля, начал писать на обоях, продолжая бесконечный речитатив: *ялюблютебямоейогромнойлюбвихватитнамдвоимсголовойялюблютебянав сегданавсегданавсегда...*

Открыл балкон, но кошка не приходила. Упал в лодку из сломанных парт и услышал музыку...

Давно звенел будильник. Илья вскочил. До поезда оставалось двадцать минут. Он повесил сумку на плечо, окинул взглядом комнату и закрыл дверь. Старуха внизу смотрела телевизор.

Он бежал через заброшенный фруктовый сад, скользил на гнилых яблоках. Его поезд ожидал на вокзале. Динамик пробуждал невнятно, сообщив о скором отправлении. На платформе прогуливались пассажиры. Илье показалось необычным, что их лица закрывали врачебные маски.

Он подошёл к своему вагону, протянул документы проводнице с белым респиратором, спущенным на подбородок.

— Странно, накладочка выходит, ваше место занято, у меня все пассажиры с билетами, — смущённо сказала она. — Такое раньше бывало, когда вручную оформляли билеты, но сейчас-то система единая, не должна сбоить. Не переживайте, посадим вас. Сейчас начальник поезда подойдёт, решим вопрос.

— Подождите, ведь номер поезда и вагона, дата — всё сходится, тут какая-то ошибка, — занервничал Илья.

Проводница с удивлением рассматривала проездной документ растрёпанного, заросшего косматой бородой незнакомца. Только сейчас она заметила, что его билет просрочен на два года.

КОРОЛЬ ШМЕЛЕЙ

(сказка для мальчиков и мужчин)

1

Чёрные островки сугробов притаились на теневой стороне улицы. Холодно, не пришло время насекомых, но когда я уходил с работы, рядом со мной летал шмель. Он прогудел приветствие, я махнул в ответ. Мохнатый и важный представитель рода сделал три оборота вокруг и удалился на бреющем полёте в своё убежище, досыпать до первых цветов. Я понял знак. Главный шмель проснулся и помнит обо мне. Значит, уйдут все невзгоды и болезни. Будет всё хорошо. Король шмелей присматривает за мной.

Спальня тонула в сладкой черёмуховой духоте. Сжимая бледно-зелёную бутылку «Староретской», я жадно глотал солоноватую минералку, тонкий пластик схлопнулся, нарушив ночную тишину. Вода иссякла. Я потянулся за телефоном, открыл заметки, быстро набрал: *«Он думал, что будет счастье. Всегда так случается в первый день лета. Ощущение счастья. Пройдя на кухню, он плеснул в стакан тёплого кипятка и выпил одним глотком. Вода перестала утолять его жажду очень давно. Его жажду не утолить ничем. Он пробовал»*. Перечитал запись, вздохнул грустно. Вот так всегда — хочешь нечто пронзительное воспроизвести в тексте, а получается банальщина, внутренние напыщенные монологи главного героя из дешёвого нуара.

Нацепив наушники, запустил новый фильм. Выдержал десять минут просмотра и выключил: «либо со мной что-то не так, либо с киноиндустрией». Во всех сферах жизни происходит отрицательный отбор. Неужели режиссеры не могут объективно оценить только что снятый фильм и стереть своё детище сразу на монтажном столе? Сколько бы времени для человечества сэкономили! Жалкие сценарии, картонные лица, в одном Майкле Корлеоне из «Крёстного отца» больше харизмы и тёмной силы, чем во всём легионе героев современных криминальных драм... Вспомнил Фредо, среднего сына Дона Вито: второстепенный вроде персонаж, но прописан тщательно, ранимый и слабый, чужой в хищной стае, он мне нравился больше всех. Как же звали замечательного актёра с тонким носом и зачёсанными тёмными волосами? Что-то острое вертелось на языке, ещё чуточку, и я бы восстановил в памяти его имя, но нет, без интернета не обойтись, неисповедимы сетевые пути. Набрав в поисковой строке «Крёстный отец», окунулся в океан бесполезных знаний.

Ознакомившись с биографией Джона Казале, исполнителя роли Фредо Корлеоне, направился в центральную Америку, изучил предпосылки революции на Кубе, потом углубился в историю борьбы за независимость испанских колоний, долго шептал имя героического Боливара: «Симон Хосе Антонио де ла Сантисима Тринидад Боливар де ла Консепсьон-и-Понте Паласиос-и-Бланко», скопировал его в записную книжку, так, на всякий случай. Далее кривая любопытства завела меня в Средневековую Европу, и вынырнул я из информационной пучины в четыре утра, изучая династию южно-германских королей Гогенштауфенов.

За открытыми окнами шуршал дождь. Переведя будильник с 6:00 на 6:10, я, вздохнув, сдвинул время ещё на пять минут вперёд, проговорил вполголоса: «Симон Хосе Антонио де ла Сантисима Тринидад Боливар де ла Консепсьон-и...» и заснул.

Сообщили в местных новостях: за сутки выпала месячная норма осадков. Почвенные поры газонов и дворов заполнились влагой, и улицы серого города под низким небом оккупировали дождевые черви. Переступая через длинные розоватые тельца, я старался никого не задеть. Тысячи их на асфальте, холодные обрывки переваренных спагетти, с упрямой настойчи-

востью покидают траву, падают с поребриков на дорогу, торопят свою смерть, они так похожи на людей, суетятся, ползут в разные стороны по своим якобы очень важным делам. Сколько их много сегодня. Говорят, что с дождями черви расселяются быстрее по поверхности земли, но я-то знаю причину суматохи. Белозубый демон, похититель обручальных колец — Зотик слишком сильно топнул ногой и нарушил равновесие в природе.

2

Маленький мальчик плескался в корыте, играл с крышечкой от мыльницы и удивлённо оглядывался по сторонам. До трёх лет мама мыла меня в женской половине общественной сельской бани, думая, что я ничего не соображаю в половом вопросе. Она ошибалась. Я всё понимал и обладал прекрасной памятью. Некоторые яркие картины отпечатались в глине моего сознания на всю оставшуюся жизнь.

Корабль маневрировал вдоль края мыльного океана. Помню цвет берега: жёлтая эмаль с зелёной каемкой. Женщины всегда брали свои, домашние тазы, брезговали казёнными оцинкованными корытами, которые назывались весьма странно — «шайками». Ведь «шайка» — это группа бандитов, разбойников, а вовсе и не таз. Взрослые воспринимают совпадение слов, обозначающих совершенно разные предметы, как должное, я же долго не мог привыкнуть к нестыковкам и искал истоки дефиниций. Откуда взялись названия простых вещей: «хлеб», «стол», «нож»? Почему ружьё называется «ружьём»? В четвёртом классе, когда начали изучать французский язык, я обратил внимание на сходства некоторых слов: например, «красный» звучало как «руж». Я подумал, что если предмет может окрасить кровавым, красным, то существительное «ружьё», возможно, и есть производное от иностранного слова «руж». Мне показалось логичным объяснение. Рассказал об этом открытии отцу, он улыбнулся и спросил:

— Скажи, а «зелёный» по-французски как звучит?

— Зелёный значит «вер», — ответил я.

— Вот верба зелёная же за окном, вполне вероятно, от этого слова и получила название, и слово вера, такое хорошее, зелёное, работает схема, значит, русский словарь вырос из французского! — засмеялся папа. — Что-то в этом есть первобытное. Можно развить твою интуитивную догадку не только для объяснения природы слов, но и сложных явлений, которые на самом деле очень простые. Смотри: солнце ярко светит, потому что кошка жмурится, ветер начинается от крутящихся лопастей мельниц, летящих воздушных змеев и пушинок одуванчиков, а осень приходит из-за того, что вербы, осины и берёзы начинают желтеть.

— Нет, пап, осень начинается, потому что грустно и надо уезжать из деревни в город, и школа опять же... — я насупился, догадавшись, что папа шутит и моя теория по происхождению слов ошибочна.

— Не обижайся, ты молодец, кто ищет, тот найдёт. Кстати, может, ты и прав насчёт осени, — заметил он серьёзно. — «Потому что грустно».

Кругосветное путешествие пластмассового красного фрегата закончилось внезапно, обвалилась высокая скала и преградила путь: провисшие сморщенные груди с большими увядшими розами сосков упали на мой корабль. Почувствовав запах дыма, ромашки, еловой хвои и чего-то ещё таинственного и пряного, я поднял глаза и с трудом узнал в голой высокой старухе с распущенными до пояса мокрыми седыми волосами бабушкину подругу — тётку Лизавету. Она поздоровалась с мамой, наклонилась, чмокнула меня в макушку и потрепала по щеке.

— Экий бутуз растёт, глазоньки болотные внимательные, зата-я-гивОют, а щёки, посмотрите-ко на кота-боярина, такими щёчками знатными только бы медок хлебать!

Затаив дыхание, я стерпел сомнительные комплименты, хотя искреннее возмущение переполняло меня. Никто не спрашивает у ребёнка, хочет ли он таких нежностей.

Нельзя маленьких мальчиков водить в женское отделение. Почему взрослые не понимают, что дети видят даже то, что не под силу узреть и старым? Малыши обладают свежим

даром познания и прекрасной памятью. Даже у младенцев, скажу я вам, самые мощные, особенно яркие впечатления накапливаются в чулане подсознания, холодной смолой опасного груза. Через годы, при случае эмоциональной перегрузки или накалённом градусе внешней среды эти чуть тлеющие виртуальные кирпичики могут внезапно материализоваться в такой могучий всплеск, от которого запросто рухнут хрупкие рамки личности.

Я смотрел на дряблые морщинистые ягодицы, рыхлые животы, покрытые архипелагами пигментных пятен, кривые ноги с лабиринтами выпуклых вен, горбатые спины старух, изломанные тяжёлым трудом, но вдруг выплывала из клубов пара, как Аврора из облаков на картине Пьера-Нарсиса Герена, грациозная молодая девушка с розовыми сосками и корытом, прижатым к бедру. Она улыбалась мне, и я, открыв рот, наблюдал, как золотое мочало взбивает мыльное облако на атласной распаренной коже богини и спускаются вниз отлипшие берёзовые листочки.

Потом я вырос и уже мылся самостоятельно. На входе в баню кидал на блюдце кассы тридцать копеек, стоимость двух билетов, на меня и двоюродного брата Семёна. Сразу за дверью мужской половины нас встречала блестящая величественная пирамида из эмалированных шаек, похожая на модель шумерского зиккурата. Мы старались приходить ближе к вечеру, когда поменьше народу. За полчаса перед закрытием оставались одни в большом гулком зале с деревянными рядами широких скамеек. Через большие окна, заложенные рельефной полупрозрачной стеклянной плиткой, пробивался розовый вечерний свет.

Дурачась, обливая друг друга ледяной водой из шаек, мы забежали в парилку, хлестались вениками до одурения, пока нас не выгоняла сердитая уборщица. Она без церемоний заходила в мужской зал, не обращая внимания на детские крики. Мы возмущались, закрывали вениками и ковшиками причинные места, покрытые едва-едва пробившимся кудрявым золотистым волосом, оберегали наши тайны от постороннего женского взгляда.

— Можете не прятать свои стручки, не бойтесь, не ослепну, — ворчала тётка. Она витиевато ругалась, чистила загаженные лежаки. Слабые организмы больных стариков иногда не выдерживали тепловых нагрузок парной, расслаблялись и опорожнялись прямо под себя, на полки, даже не пытаясь добежать до уборной, всякое случалось. Помню, как открыв рты, завороченно наблюдали за жизнерадостным безруким ветераном, похожим на тираннозавра. Он размахивал культиками, словно обручками варёной колбасы с завязками на кончиках. Такие куски никто не хочет брать в магазинах, и они засыхают на прилавках.

Калека улыбался. Его товарищ с радостным остервенением хлестал безрукое тело веником, увечный довольно кряхтел, отпускал шутки и подмигивал нам. Вот это были люди! Жизнь в них кипела, и слухом не слыхивали они о депрессиях и кризисах среднего возраста.

Крепкие, распаренные дядьки курили в раздевалке после мытья, немного выпивали, натягивали белые майки на исковерканные войной тела. Застёгивали большими корявыми пальцами маленькие пуговицы чистых сорочек. Сверкая фиксами, рассказывали смешные истории, расходились по домам, где их ждали жёны, горячий ужин и холодная чекушка.

В конце лета в баню явился настоящий леший. Высокий, неопределённого возраста человек, заросший, лохматый, с длинной бородой от прозрачных глаз, сваленной с сеном и мхом в бурый войлочный клин. Он переступил порог раздевалки, опираясь на узловатую палку из соснового корня, оглядел все присутствующих, гаркнул неожиданно молодым и мощным голосом:

— Здравия желаю, орлы! С лёгким паром!

— Здравова, Ефимка! Никак сполоснуться собрался? В этой пятилетке мы тебя не видали. Коровы, небось уже разбегаются, канечна, от такого вахотного, волоса-то вилами не расчесать, вона на два пальца землёй покрылся, — зубоскалили мужики.

Ефим не обиделся, широко улыбаясь, сбросил свои полевые, пропахшие сеном и навозом одежды, оголяя белую спину. Традиционная линия крестьянского загара ограничивалась

лицом, шеей и кистями рук. Кладая по плитке длинными желтыми когтями на чёрных и похоже взаправду не мытых много недель ногах, он ухватил загоревшей клешнёй три шайки сразу. Один таз он кинул себе под ноги, во второй налил себе кипятку, а в третий — ледяной воды. Зайдя в парилку, сделал вид, что замерзает:

— Холодрыга! После такого пара тока сопли на кулак мотать.

Он вскарабкался на самый верхний полок и скомандовал:

— Ну-ка, робя, кто там поближе к амбразуре, поддай-ка жару, а то зуб на зуб не попадает.

Зашипели камни, и перехватило дух. Мы с Сёмой жались поближе к двери и дышали через щёлочку.

— Имей совесть, Ефимка, в аду холоднее, — роптали люди. Наклонившись и втянув головы, они спускались ниже. Некоторые не выдерживали нагрузки и убегали из парной.

— Ещё давай, — не унимался Ефим. Он, казалось, вообще не чувствовал температуры, расправив плечи, впитывая тепло каждой порой тела.

Смывший грязь и причёсанный Ефим походил на Иисуса Христа. Облачаясь обратно в своё полевое рубище, он смеялся над шутками окружающих, но взгляд его небесно-голубых глаз был отстранён и печален.

Необычный посетитель работал деревенским пастухом. Домом для дяди Ефима служил лес с полем, ночевал он в землянке за селом, с рассветом выходил на главную дорогу, играл в рожок. Хозяйки выпускали коров со двора, с закатом он возвращался, и уставшие сытые бурёнки расходились по домам.

Ефима любили и уважали, хотя и посмеивались над его непутёвостью. Я очень удивился, когда увидел однажды вечером, как дедушка здоровался с пастухом за руку и рассказывал ему последние мировые новости:

— На Ближнем Востоке, как всегда, горячо, арабы в Бушере атомную станцию бомбят. Персам «битва за болота» дорого обошлась, силы копят. В Турции «Рабочая партия Курдистана» бунт устроила, надолго теперь война, зря турки курдов зажимали, всё-таки их десятки миллионов, а своего угла нет. ...Верхняя Вольта, кстати, название сменила, теперь Буркина Фасо кличут — в переводе «страна честных людей», во как! Тамилы на Целойне бузят. ... В Афгане без изменений, наши застряли крепко, заманили англосаксы в ловушку, так просто не выкарабкаться.

Ефим понимающе кивал. Я никак не мог взять в толк, ладно, дед, самый начитанный человек на селе, а откуда разбираться в тонкостях международной политики живущему в лесу, погоняющему скот бродяге?

С годами, проживая свой путь, пробуя и ошибаясь, я самостоятельно пришёл к пониманию простой истины, которая стала забываться в последнее время: рано делать вывод о человеке по его внешнему виду. «Серьёзное лицо — не признак ума», — говорил наш барон Мюнхгаузен. Так и элегантный внешний вид — не показатель разумного и хорошего человека. Причесанные чистенькие хлыщи, попадавшие мне по жизни, в отполированных туфлях, при костюмах и галстуках, нарциссично разглядывающие своё отражение в любой зеркальной поверхности, будь то стёкла машин, витрины или лужи, оказывались очень часто подлецами.

3

Дед не ходил в баню по неизвестной мне причине, которую я выяснил позже. Бабушка грела воду, вытаскивала большую ванну, висящую в сених. Он выгонял всех из комнаты, закрывался и мылся самостоятельно. Уже постарше, я как-то забежал в дом и застал его, переодевающего рубаху, он стоял спиной ко мне, обнажённый по пояс, кожа напоминала мятую обёрточную бумагу, словно сморщенная кора дерева, порванная, сожженная, покрытая безволосыми глянцевыми шрамами и зарубками. Я испугался и незаметно вышел. Вечером я спросил у бабушки, что случилось с дедом, и она рассказала, что он воевал командиром танка, горел

неоднократно, последний раз в Вене, тогда он единственный выбрался из пылающей машины. Вскоре дед уйдёт навсегда, и наконец встретится со своим вечно молодым экипажем.

В ту же знаменательную субботу дедушка в клетчатой рубашке, довольный и немного выпивший, смотрел футбол по телевизору и размешивал сахар, звонко постукивая о краешек тонкого стакана в тёмном тяжёлом подстаканнике с изображением первого советского спутника.

Я сидел на крыльце после бани, чистый и румяный, рядом — миска с только что собранной клубникой и блюдце с мёдом. Мама с бабушкой поливали грядки, а я выбирал самую красивую блестящую ароматную ягоду, отрывал зелёный хвостик и макал алый конус в мёд, потом широко открывал рот и укладывал клубничину целиком. Бабка Лизавета, была права, щеками меня Бог не обделил, даже самая большая ягода заходила с запасом и сладкой судорогой разливалась по телу. Не знаю, кушал ли я такую вкуснотищу когда-нибудь ещё в жизни, наверное, нет. Сейчас я не ем клубнику, сейчас я мало что люблю.

Вот так, наслаждаясь ягодами и наблюдая за кораблями, я радовался жизни. Пароходов было много, они медленно двигались по Волго-Балтийскому каналу. Воды не было видно, только верх бортов и белые рубки сухогрузов, казалось, корабли шли между копен сохнувшей, недавно скошенной травы, прямо по золотисто-изумрудному, колючему после сенокоса лугу, мой взгляд перешёл на поленницу у дороги, калитку и споткнулся об яркое пятно. Нечто непонятное лежало у стены под окном. Оторвавшись от клубники, я спустился и обнаружил под завалинкой шмеля. Аккуратно положил его на ладошку и внимательно рассмотрел. Это был огромный красивый шмель, я не встречал таких особей раньше. Жёлтые, чёрные и оранжевые полосы, высокий блестящий ворс, это точно был не простой, а самый что ни на есть благородный шмель. Я ткнул пальцем в полосатое брюшко. Мохнатое тельце пошевелилось.

Наверное, шмель врезался в открытое окно и упал оглушенный, а может, просто летел издалека и обессилел.

Аккуратно взяв, подул, взъерошив золотистые волоски на брюшке, положил его рядом, подвинул ему блюдечко, казалось, шмель двинулся, я легонько тронул его, чуточку подтолкнул ближе к еде.

Шмель вздрогнул, почувствовав живительную сладкую энергию, зашевелил передними лапками и окунул хоботок глубже. На глазах он набирался сил, оживился, запустил моторчик крыльев. Спустя некоторое время он совсем окреп и перелетел мне на колено. Почувствовав кожей его касание, подвинул ему ладошку, липкую от мёда и клубники. Он прыгнул на руку, повернулся и посмотрел на меня снизу вверх, словно запоминая спасителя. Потом кивнул, так мне показалось, я сказал «здравствуйте», именно на вы, это был очень представительный, солидный шмель, как-то неловко было тыкать благородному созданию.

Я поднял руку, как обычно делал, когда находил и отпускал в полет божью коровку.

— Летите на небко, уважаемый Шмель, к себе домой, там, наверно, вас заждались.

Шмель ещё раз кивнул мне, прыгнул с ладони, провалился немного в воздухе, но набрал высоту и полетел, громко прогудев напоследок.

— Бабушка, мама! Я только что спас шмеля, накормил его мёдом, он ожил и полетел, представляете? — крикнул я, подбегая к парнику. — А ещё он кивнул, поздоровался со мной. Наверное, это был не обычный шмель, он такой большой и красивый, это их главный предводитель — король шмелей!

— Фантазер, ты Коленка, — улыбалась мама и потрепала меня за пухлую щёку.

После смерти деда любимый его кот Маркиз ушёл и больше не появлялся. Говорят, его видели на леспромхозовской стороне у старой плотины, он воровал подлещиков у рыбаков,

дразнил дворовых цепных барбосов, от души терроризировал округу. Котей отличался суровым характером, детей не замечал, бабушка играла роль промежуточного звена между холодильником и его миской с едой. Маркиз не хотел возвращаться в дом без деда, и бабушка взяла котёнка. Маленького серого пушистика с белыми лапками. Общим собранием в составе меня, брата и старшей сестры Аси зверя называли Пушок, или просто Пух.

Непоседа Пух оказался неуправляемым, забирался на занавески и шкафы, кидался под ноги входящим в дом гостям, норовил ускользнуть на улицу. Однажды вечером сестра случайно защемила его тяжёлой входной дверью. Котик хотел проскочить, а она не посмотрела под ноги. Мы втроём рыдали, склонившись над маленьким пушистым тельцем. Поломанный котёнок всю ночь жалобно кричал. Мы положили ему самой вкусной еды, налили парного молока в блюдечко. Несчастный не притронулся к пище, извивался по полу, скуля от боли. Вечером бабушка сходила к подруге Лизавете, той самой старухе из бани. Та забрала Пуха с собой, сказала, вылечит к утру. Мы не спали всю ночь.

Лизавета сдержала слово, с первыми лучами солнца в кухню ворвался целёхонький и весёлый котёнок, наш Пушок. Выпил вчерашнее молоко и полетел играть по своим любимым углам и коврам, мимо нас, поражённых столь внезапной переменой.

Бабушка всплеснула руками:

— Матушка, берегиня ты наша, как тебя отблагодарить, все нервы вымотали с котейкой покалеченным, я думала — не жилец.

Лизавета прищурилась, внимательно посмотрела на меня, так что похолодело внутри, и ничего не сказала.

Я подумал, что это другой, не наш Пух, детей попросту обманули, подменив котёнка. Взял его на руки и внимательно рассмотрел. Серый, глазастый, белые чулочки на лапках. Мне показалось странным, что у кота появилась светлая дорожка между ушками, на что Лизавета ответила загадочно:

— Ночью приходил дух лесной и погладил его. Как раз по головке, вот след и остался.

Пух вырос, исправно ловил мышей и кротов, складывал их рядком на крыльце и гордо садился у добычи.

Из маленького шаловливого комочка получился умный котей, иногда Пух позволял себя почесать между ушками по светло-серой дорожке, проложенной лесным духом.

В следующее лето Пушок спас нам с братом жизнь.

В первое воскресенье августа поздно вечером кто-то постучался. Бабушка открыла дверь. На крыльце стоял молодой мужчина в пиджаке с чемоданом.

— Извините, — сказал он. — Я опоздал на метеор в Череповец, можно до утра перекачаться?

— Проходите, — бабушка впустила незнакомца.

Наш дом находился недалеко от пристани, и он, заметив свет в окнах, решил попроситься на ночлег. Сейчас покажется странной и небезопасной идея запустить чужого человека на ночлег, но в северных русских деревнях ничего необычного в этом не было. Людям доверяли.

Бабушка постелила гостю в большой комнате на диване. Наша с братом спальня была смежной и отделена от гостиной белой двухстворчатой дверью без замка или шпингалета.

Я сходил в туалет и на всякий случай прихватил топорик, завернув его в мешковину. Незаметно пронёс свёрток мимо постояльца. Тот включил ночник и что-то искал в своём чемодане, не обращая на меня внимания. Проходя, я почувствовал запах жжёной резины, мне показалось, его плечи неуволимо дёрнулись, словно сведённые судорогой, он вдруг повернул голову юрким нечеловеческим движением, зыркнул чёрными глазами и мигнул...

Кишки мои похолодели и сжались. Я проскользнул в спальню и придвинул кресло к двери.

— Сёмка, он мигает ненормально.

— В смысле?

Я свёл и развёл ладони:

— Вот так, все мигают горизонтально, а он вертикально мигнул, как створки лифта сходятся, клянусь...

Сёма поднялся с кровати и на носочках прошёл к тумбочке, где покойный дед хранил инструменты, выбрал самый большой молоток и положил в постель.

Мы долго не могли уснуть, переговаривались вполголоса, слышали, как беспечно захрепела бабуля в комнате за кухней.

— Ей хорошо, там засов есть на двери, — шепнул я.

Постоялец не спал, шоркался, шелестел пакетами.

— Ножик наверняка разворачивает, падла, — брат засунул руку под подушку, нащупывая рукоятку молотка.

Моя ладонь на топорике взмокла.

— Что это? Слышишь! — Сёма приставил указательный палец ко рту, испуганно выпучив глаза.

Мы замерли. Кто-то царапался в окошко. Это был Пушок.

— Господи, Пух, как ты нас напугал, — я щёлкнул шпингалетом, запустил кота.

— Ни в коем случае нельзя засыпать. Будем дежурить по два часа, — сказал я.

Кинули на морского, сторожить первому выпала очередь Сёме. Пушок лёг рядом со мной, успокаивающе замурчал.

Открыв глаза, я почувствовал укус в руку. Пух пристально смотрел на меня, увидев, что хозяин проснулся, он мяукнул, выгнулся дугой и прыгнул на пол, застыл у двери в боевой стойке, подняв хвост и оскалив пасть. Сёмка, конечно, дрых на посту. Я толкнул брата и подкрался к двери.

— Вы-ыр кто? — послышался шёпот из гостиной, совсем рядом, как будто источник звука находился в нескольких сантиметрах от моего уха.

— Вы-р кто... явы-ыр...

— Ты слышишь то же, что и я? — я повернулся к зевающему брату.

Мы замерли, стараясь уловить странные слова.

— Явы-ы-р-кто, уш-ш-ш-у-ку... еи-шорохикчещь иикшу, — прошипел страшный голос за дверью. От зловещего звука меня отделяла тонкая дверная доска.

Клянусь, я это слышал, и Сёмка тоже!

Брата заколотило мощным тремором, я, наоборот, онемел от ужаса, сжал топорик. Через секунду мы, отшвырнув стул, выскочили с криком в гостиную, я поднял над головой топор, сразу решив вмазать злодея по макушке резким ударом дровосека.

Мужчина испуганно смотрел на нас, он сидел на диване, читал книжку у включённого ночника и жевал пирожок. Похоже, вечером в чемодане он рылся в поисках съестного.

На грохот и ор выбежала бабушка, простоволосая и в ночной сорочке.

— Быстро спать... Охламоны! Господи, за что мне такое наказание! Скорее бы уже вас мамки в город забрали. Человека чуть до инфаркта не довели.

Утром она напекла в дорогу для незнакомца калиток. Гость помылся в уличном рукомойнике, почистил зубы, долго расчесывался, прилизывался, насвистывая весёлый мотив, в утреннем свете хорошо различалась перхоть на корнях чёрных волос, густо усыпавшая широкий белый прибор.

Сухощавый высокий брюнет с безразличным выражением лица. Комсомольский значок на пиджаке. Он был молод, лет двадцати пяти, наверное, чем-то болел, судя по бугристой серо-

вато-жёлтой коже и тёмным кругам под глазами. Меня, наблюдающего за гостем, не покидало неприятное ощущение, словно я трогаю рукой осклизлую гнилую поганку.

Он пил чай, опустил глаза. Мы с братом внимательно следили за его лицом, стараясь поймать момент его моргания, но никак не получалось, он всё время отворачивался, односложно отвечал на бабушкины вопросы и делал вид, что ночью ничего не произошло. Посмотрел на часы, отодвинул стул, поднялся и достал из кармана бумажник:

— Спасибо за гостеприимство, сколько я вам должен?

— Бог с тобой, ничего не надо, — бабушка замахала руками.

Гость всё равно открыл кошелек, достал пять рублей и положил на стол.

— Отступись батюшка, не обижай, чай по одной земле ходим, может, моим внукам тоже люди помогут, — она взяла синюю бумажку и сунула ему в карман пиджака.

Мы дождались, когда подозрительный гость выйдет за калитку, перемахнули через ограду и выдвинулись к пристани коротким путём по лугу. Хотелось удостовериться, что этот человек точно уедет из посёлка. Нас не оставляли жуткие воспоминания о зловещем шорохе за дверью. Мы пришли раньше и спрятались за ящиками с помидорами, оставленными после ночной разгрузки астраханской баржи. С наблюдательного пункта хорошо был виден бетонный пирс. Сустились речники, подготавливая трап для показавшегося из-за поворота канала метеора. Неприятный брюнет не опоздал, купил газету в ларьке «Союзпечати» и сразу прошёл на борт, в последний момент оглянулся в нашу сторону, как будто знал, что за ним следят.

Долго не успокаивалась вода в канале оттенка кофе с молоком. Я и Сёма наблюдали, как белая корма метеора сообщением Вытегра — Череповец растворилась в утренней дымке.

— Может, нам послышалось? Ничего он не шептал и не хотел нам плохого сделать? — предположил Сёма по дороге домой.

— Обоим, одно и то же? Так не бывает, — сказал я, сам задумавшись, вспомнил страшное шипение.

Я забежал вперёд повернулся к брату и посмотрел в глаза:

— Постарайся повторить, что он говорил.

— «Вы кто»... или «выр кто»... «явыркто», дальше что-то про «ушуку», — невнятное совсем.

— Смотри, Сёма, — меня осенило.

Я взял в руку обломок известняка и нацарапал по жирной серой пыли на обочине дороги большими прописными буквами: УШУКУ.

— Читай, ничего не напоминает?

— Ушуку, — Сёма пожал плечами.

— А теперь, наоборот, с конца.

Брат, нахмурившись, шевелил губами:

— Укушу! Колька, ты гений! Укушу! Укусить он нас собрался, сволочь! ...Да, да именно это он и шептал и ещё шуршал, ты помнишь.

Я продолжил запись: УШУКУ ШОРОХИКЧЕЩ ИИКШУ. Подумал и дописал: ЯВЫР-КТО. Выпрямился, отбросил камень и прочитал по слогам:

— От-кры-вя уш-ки и щеч-ки хор-ош укушу.

— «Открывя», значит открывай, ушки и щёчки хорошие наши укусить ему захотелось, — Сёма развеселился от простой разгадки. — Да этот шутник Череповецкий посмеялся над нами! Щёки, ушки, напугать решил, нас таким не напугаешь!

— Скажи, Сёмка, правда у меня такие большие щёки? В школе меня девчонки называют бублик с маком, потому что я вот такой, луноликий и в веснушках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.